

# Двойной юбилей. Конституционное правосудие на службе прав человека

Павел Блохин\*

В статье на основе изучения значительного объема научных работ Т. Г. Морщаковой анализируются и обобщаются высказанные ею ключевые идеи по таким вопросам, как место Конституционного Суда России в судебной системе страны, его взаимодействие с другими судебными органами, его самостоятельность и независимость. Рассматривается тезис о том, что в своей деятельности Суд исходит из основополагающих принципов права, в том числе не нашедших полного и исчерпывающего закрепления в позитивном национальном праве. В заданном контексте автор рассматривает возможности обращения граждан в Суд за эффективной судебной защитой своих прав, свойства принимаемых им по итогам такой судебной защиты решений. Автор демонстрирует различные позиции по обозначенным вопросам в юридическом и научном сообществе России, приходя к выводу о том, что общим и основным предназначением конституционного правосудия является защита человека, его прав и свобод как высшей ценности, провозглашенной Конституцией России 1993 года.

DOI: 10.21128/1812-7126-2016-2-117-141

→ Конституционное правосудие; основные права и свободы; судебная защита; доступ к правосудию

В преддверии 25-летней годовщины Конституционного Суда России нельзя не упомянуть о другой знаменательной дате — о юбилее одного из основателей Суда и достойнейших его судей, Тамары Георгиевны Морщаковой. В связи с этим кажется как нельзя более своевременным обратиться к ее научным воззрениям, проследить, как они отстаивались и развивались ею с течением времени, как влияли на облик конституционного правосудия, превращаясь в жизнь, и как встречали сопротивление. Автором собрано и проанализировано около полусотни научных работ: публикаций в юридических журналах, глав в учебных пособиях и коллективных монографиях, докладов, стенографических материалов, интервью в газетах и на радиостанциях, а также особых мнений Т. Г. Морщаковой в качестве судьи. Большая часть этих работ хорошо известна и цитируется десятки и сотни раз; есть и такие, которые еще или недооценены, или незаслуженно забыты, но и те, и другие требуют внимательного к ним отношения, вве-

дения (возвращения) в широкий научный и практический оборот. Статья нацелена на предметное обобщение тех идей Т. Г. Морщаковой, которые затрагивают вопросы конституционного правосудия и его места в судебной системе и в механизме судебной защиты прав человека. Эти мысли и идеи рассматриваются в сопоставлении с взглядами других ученых и дополняются попытками наметить пути их развития и воплощения в жизнь.

## 1. Закон высших ценностей

Поясняя, в чем состоит установление или «поиск применимого права», Т. Г. Морщакова одной из первых в современной отечественной науке заявила о необходимости для суда «принимать решения с позиций высших принципов права»<sup>1</sup>, оценивать качество подлежащего применению акта, который только и может считаться в полном смысле правом,

\* Блохин Павел Дмитриевич — главный консультант аппарата судьи Конституционного Суда РФ, преподаватель НИУ «Высшая школа экономики» (г. Санкт-Петербург) (e-mail: dartpaulus@mail.ru).

<sup>1</sup> Первоначально эта мысль была высказана применительно к событиям 1993 года — оценке Конституционным Судом Указа № 1400 Президента Б. Н. Ельцина. См.: И суда нет. Диагноз доктора Морщаковой: Интервью с Т. Г. Морщаковой // Новая газета. 2004. 19 июля.

если он «отвечает общечеловеческим представлениям, проистекающим из естественного права, хотя само по себе естественное право очень трудно применимо»<sup>2</sup>. Тем самым обеспечивается идея подлинного верховенства права, которая «имеет очень серьезный неформальный ценностный аспект»<sup>3</sup>.

Позиция эта, последовательно изложенная в целом ряде статей и выступлений, встретила известное сопротивление среди ученых и государственных деятелей. Ей последовательно оппонировал академик Ю. К. Толстой, указывающий, что в ней смешиваются между собою право и правосознание («представления о праве, какими бы чистыми помыслами они ни подпитывались... ни в коем случае нельзя выдавать за действующее право, которое должно неукоснительно соблюдаться и исполняться») и что она может быть взята на вооружение для обоснования всякой противозаконной политической акции («идя таким путем, можно любое беззаконие оправдать») <sup>4</sup>. При таком прочтении рассматриваемая концепция оказывалась едва ли не в одном ряду то ли с иезуитством («достичь святых целей не святыми средствами»), то ли с раннесоветской доктриной (получившей особое обоснование в воззрениях А. Я. Вышинского) о праве и о суде как «орудиях классово-борьбы» и обслуживании «интересов революционной целесообразности». Однако более системное ее изложение позволяет, как нам кажется, прийти к ровно противоположным выводам. Для этого необходимо рас-

смотреть по меньшей мере два взаимосвязанных вопроса, ответы на которые неоднократно встречаются в работах Т. Г. Морщаковой: о каких *высших принципах права* идет речь и каковы правовая процедура и последствия для разрешения возникающего противоречия.

В первую очередь, подчеркивает Т. Г. Морщакова, речь идет об универсальных принципах и нормах, закрепленных во Всеобщей декларации прав и свобод 1948 года, Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 года и других международно-правовых документах (в их истолковании компетентными наднациональными органами, такими как Комиссия (ныне Совет) по правам человека ООН, Комитет по правам человека ООН), которые обладают общеобязательным значением и которые «в наиболее концентрированном выражении» также «транслируются на региональном европейском уровне»<sup>5</sup>. Сюда же, следовательно, относятся и нормы самих региональных международных договоров, таких как Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод (далее — Европейская Конвенция, Конвенция), обязательность которой (в ее истолковании Европейским Судом), сознательно и недвусмысленно выражена самим российским государством. По смыслу архиважных положений части 4 статьи 15, части 1 статьи 17 и части 1 статьи 55 Конституции, «используемый в конституционном судебном контроле масштаб конституции изначально включает международно-правовую составляющую — именно как критерий оценки внутреннего регулирования»<sup>6</sup>. В силу этого, как представляется, ответ на вопрос о необходимости следовать таким нормам не может быть поставлен в зависимость от разрешения политических противоречий (в частности, непростых отношений России с Советом Европы), а только от готовности следовать собст-

<sup>2</sup> Морщакова Т. Г. Выступление на Конференции «Российские альтернативы» (Первые Ходорковские чтения) (Москва, 10 июля 2007 г.). Впоследствии эта мысль повторялась и развивалась ею в целом ряде других работ.

<sup>3</sup> Морщакова Т. Г. Верховенство права и независимость судебной власти: [доклад на Вторых Сенатских чтениях, Санкт-Петербург, 12 октября 2009 года] // Ученые записки юридического факультета. 2010. № 17. С. 5–14.

<sup>4</sup> См.: Толстой Ю. К. Проблемы разграничения полномочий Российской Федерации и ее субъектов в сфере законодательной деятельности // Журнал российского права. 2005. № 12. С. 66–69; Толстой Ю. К. Судебный («живой») конституционализм: доктрина и практика: Стенограмма круглого стола кафедры государственного и административного права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, 5 марта 2011 года) // Журнал конституционного правосудия. 2011. № 3.

<sup>5</sup> Морщакова Т. Г. О значении и источниках стандартов правосудия // Верховенство права как фактор экономики: международная коллективная монография / под ред. Е. В. Новиковой, А. Г. Федотова, А. В. Розенцвайга, М. А. Субботина. М.: Мысль, 2013. С. 521–531, 525–526.

<sup>6</sup> Морщакова Т. Г. Доктринальные основы имплементации международных стандартов прав и свобод средствами конституционного правосудия // Право. 2008. № 1. С. 3–17, 4.

венной Конституции и воле учредительной власти, отраженной в словах ее преамбулы об осознании российского государства «частью мирового сообщества». Следует заметить, что в 14 из 34 постановлений, принятых российским Конституционным Судом за 2015 год, содержатся ссылки на Европейскую Конвенцию и Протоколы к ней (41 %), а в 8 постановлений из этих же 34 учитываются прецеденты Европейского Суда по правам человека (24 %). Около 36 определений из общего числа в 3 112 также опираются на положения Конвенции (1 %), из них 11 также включают анализ практики Суда в Страсбурге (0,4 %). Важнее, впрочем, не количественный показатель (в практике Верховного Суда и Верховного Арбитражного Суда Российской Федерации можно насчитать и больше упоминаний норм и принципов международного права), а качественный: в большинстве случаев такие ссылки носят не «декоративный» характер (что часто можно встретить в решениях иных судов, особенно нижестоящих), а содержательный, то есть определяющий толкование того или иного фундаментального права.

Конституционный Суд, как справедливо отмечает судья Морщакова, в своих решениях ссылается и на нормы и принципы, которые в международном праве могут быть не признаны еще общеобязательными (*soft law*), в качестве «дополнительного теоретико-догматического аргумента» при толковании конституционных прав и свобод<sup>7</sup>. «Согласно правовым позициям Конституционного Суда могут рассматриваться в качестве общепризнанных принципов и норм международного права для Российской Федерации не только общеобязательные в формальном смысле международно-правовые предписания, но и общие международно-правовые представления, касающиеся общечеловеческих ценностей. Признавая какие-либо международно-правовые принципы общепризнанными, Конституционный Суд исходит не из классической позитивистской аргументации, а из общей надпозитивных правовых ка-

тегорий, беря на себя тем самым ответственность за их признание и соблюдение в Российской Федерации в качестве общепризнанных»<sup>8</sup>. Объяснение использованию таких источников в мотивировочной части решений Конституционного Суда находится в его собственной практике. Так, рассматривая известное дело о соразмерности полного лишения дееспособности лица, обладающего психическим расстройством, Конституционный Суд, сославшись на целый ряд рекомендаций, принятых Парламентской Ассамблеей Совета Европы и Комитетом Министров Совета Европы, пояснил, что «указанные международные акты носят рекомендательный характер, однако в их основу положены общепризнанные в современных демократических государствах принципы верховенства права, гуманизма, справедливости и юридического равенства, на необходимость соблюдения которых в отношении лиц, признанных недееспособными, указывали в своих решениях Европейский Суд по правам человека (постановление от 27 марта 2008 года по делу «Штукатуров против России») и Конституционный Суд Российской Федерации (Постановление от 27 февраля 2009 года № 4-П)»<sup>9</sup>.

Более того, по мнению Т. Г. Морщаковой, конституционное правосудие не только «ориентирует судебное правоприменение и на использование международных норм, имеющих рекомендательный характер», но равно «вводит не только в научный, но и в практический правоприменительный оборот достижения доктрины относительно существа общеправовых принципов конституционализма и единых стандартов гуманитарного права»<sup>10</sup>. Сегодня это утверждение все труднее поставить под сомнение. Прямые ссылки на труды признанных ученых или лучшие достижения зарубежной судебной практики не встречаются непосредственно в тексте решений Конституционного Суда (единственное на сегодняшний день

<sup>7</sup> Морщакова Т. Г. Применение международного права в конституционном правосудии: итоги и перспективы // Конституционное правосудие: Вестник Конференции органов конституционного контроля стран молодой демократии. 2001–2002. Вып. 4 (14)–1 (15). С. 117–118.

<sup>8</sup> Морщакова Т. Г. Роль конституционного правосудия в реализации международно-правовых норм о правах человека // Морщакова Т. Г. Российское правосудие в контексте судебной реформы. М. : Р. Валент, 2004. С. 44–51, 47.

<sup>9</sup> Постановление Конституционного Суда РФ от 27 июня 2012 года № 15-П.

<sup>10</sup> Верховенство права и проблемы его обеспечения в правоприменительной практике : международная коллективная монография. М. : Статут, 2009. С. 305.

и, возможно, не самое показательное исключение — постановление по делу о порядке исполнения актов Европейского Суда, в котором Суд счел необходимым сослаться на решения Федерального конституционного суда Германии, Конституционного суда Итальянской Республики, Конституционного суда Австрийской Республики, Верховного суда Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии, а равно и на результаты «обсуждений, в том числе имевших место на конференциях в Интерлакене (2010 год), Измире (2011 год) и Брайтоне (2012 год)» о понимании принципа субсидиарности<sup>11</sup>. Можно привести и иные примеры постановлений, в которых российский Конституционный Суд косвенно апеллирует к положениям, существующим лишь в науке (например, постановление по делу об оспаривании ненормативных разъяснений финансовых ведомств, где Конституционный Суд отталкивался от доктринального понятия нормативности)<sup>12</sup>. Тем более судьи в своих особых мнениях демонстрируют обращение к самым разным научным и зарубежным правовым источникам (в качестве примера можно привести одно из особых мнений судьи Гаджиева к постановлению 2011 года по делу о проверке ряда положений бюджетного законодательства, где он широко использовал правовые позиции Федерального конституционного суда Германии, а также научные идеи советского и российского профессора А. А. Тилле об обратной силе закона)<sup>13</sup>. В этом смысле Конституционный Суд видится, по выражению известного в прошлом конституционалиста А. А. Белкина, «органом ученого правоустройства», а по выражению судьи Н. С. Бондаря, «научно-исследовательской лабораторией», которая тесно соотносится с научным сообществом через доктринальные идеи по актуальным проблемам конституционного права России<sup>14</sup> (что не в последнюю очередь предопределено самим составом этого органа).

В сказанном, как представляется, отличие подхода, предлагаемого Т. Г. Морщаковой, состоящего в том, что Конституционный Суд отличается «решимостью преодолеть уже сложившиеся стереотипы теории и практики применения общепризнанных императивных международных правил в условиях, когда конституция не обозначает их признаки и формы закрепления, а также не указывает способы раскрытия их содержания в качестве общепризнанных», и позволяет принять во внимание «общие тенденции международно-правового развития»<sup>15</sup>, от подхода таких авторитетных авторов, как М. Ш. Пацация, которые, толкуя норму части 4. статьи 15 российской Конституции буквально, полагают, что «приоритет перед национальным правом в любом случае имеют только те общепризнанные принципы международного права, которые закреплены в международном договоре»<sup>16</sup>, и подхода Верховного Суда, который представляет собой «очевидное ограничение в сравнении с конституционной нормой, не знающей таких оговорок»<sup>17</sup>. Эта позиция, занятая Пленумом Верховного Суда еще в 1995 году, состоит в том, что судам при осуществлении правосудия надлежит руководствоваться международными договорами, заключенными Россией, а также исходить из того, что общепризнанные принципы и нормы международного права закреплены в «международных пактах, конвенциях и иных документах (в частности, во Всеобщей декларации прав человека, Международном пакте о гражданских и политических правах, Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах)»<sup>18</sup>. Следовательно, именно Конституционный Суд, в силу своей компетенции и предназначения в системе иных органов власти, подкрепляемых

<sup>11</sup> См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 года № 21-П.

<sup>12</sup> См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 31 марта 2015 года № 6-П.

<sup>13</sup> См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 20 июля 2011 года № 20-П.

<sup>14</sup> Бондарь Н. С. Судебный конституционализм в России в свете конституционного правосудия. М.: Норма: Инфра-М, 2011.

<sup>15</sup> Морщакова Т. Г. Доктринальные основы имплементации международных стандартов прав и свобод средствами конституционного правосудия. С. 10.

<sup>16</sup> См.: Пацация М. Ш. Об основаниях отмены или изменения судебных постановлений в надзорном порядке в гражданском процессе // Закон. 2014. № 9. С. 128–149.

<sup>17</sup> Верховенство права и проблемы его обеспечения в правоприменительной практике. С. 591.

<sup>18</sup> Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 31 октября 1995 года № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия».

общеобязательностью его решений, в состоянии осуществлять выявление и своеобразную ретрансляцию правовых принципов и ценностей в национальную правовую систему. Как замечает Т. Г. Морщакова, актуальна позиция, предложенная Н. В. Витруком и фактически признанная в практике российского Конституционного Суда: если Суд использует принципы и нормы международного права, они получают признание в национальной правовой системе в качестве «общепризнанных»<sup>19</sup>.

Апеллирование к международным договорам и общепризнанным принципам международного права в конституционном правосудии, по-видимому, в некоторых случаях может быть особенно востребованным и даже необходимым. Потенциал международного права в сфере прав человека особенно значим «как дополнительный инструментарий в ситуации, когда в Конституции Российской Федерации какое-либо право не закреплено в виде отдельного положения и поэтому оно подлежит логико-правовому и нравственному обоснованию, исходя из других норм Конституции, либо когда какое-либо конституционное право в самом конституционном тексте не раскрывается во всех его содержательных признаках»<sup>20</sup>. Такая ситуация не исключена полностью, о чем свидетельствует норма части 1 статьи 55 Конституции о том, что «перечисление в Конституции Российской Федерации основных прав и свобод не должно толковаться как отрицание или умаление других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина». Тем более оно может быть востребованным, когда и за 25-летнюю практику самого Конституционного Суда то или иное субъективное притязание лица не получило окончательного признания в качестве объективного конституционного права или не было достаточно полно раскрыто. Например, как заметил Г. А. Гаджиев, подобная проблема проявилась при рассмотрении дела о раскрытии тай-

ны усыновления<sup>21</sup>, когда стало ясно, что право каждого определять свою национальную принадлежность (ч. 1 ст. 26 Конституции) еще Судом не исследовано и «что мы не очень ясно представляем, что означает это конституционное право»<sup>22</sup>. Сказанное вполне согласуется с тем, что в практике конституционного судопроизводства не получило широкого применения такое основание для прекращения производства, как то, что спорный вопрос «не получил разрешения в Конституции», «по своему характеру и значению не относится к числу конституционных» (ст. 68 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»; далее — ФКЗ о КС), поскольку «Конституция РФ является исходной нормативной основой для всех действующих в Российской Федерации законов и иных правовых актов. В принципе любой разрешаемый на нормативно-правовом уровне вопрос может быть оценен как конкретизирующий те или иные конституционные положения, а значит, получивший в ней разрешение, пусть и не всегда прямое»<sup>23</sup>.

Как раз в таких случаях, по мнению Т. Г. Морщаковой, смысл (содержание) основного права, «раскрытый на уровне международно-правового регулирования и (или) международной наднациональной юрисдикции, должен являться основным ориентиром» при толковании права, не получившего разрешения в национальной теории и практике<sup>24</sup>. Можно заметить, что и зарубежные органы конституционного контроля (например, Конституционный, а ранее Арбитражный суд Бельгии) активно используют международно-правовую и доктринальную составляющие критериев конституционного контроля (например, принцип разделения властей, который прямо может быть не закреплен в тексте

<sup>21</sup> См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июня 2015 года № 15-П.

<sup>22</sup> Стенограмма круглого стола «Право и национальные традиции», Институт философии РАН, 18 декабря 2015 года // Архив автора.

<sup>23</sup> Комментарий к статье 68 // Комментарий к Федеральному конституционному закону «О Конституционном Суде Российской Федерации» (постатейный) / под ред. Г. А. Гаджиева. М.: Норма: Инфра-М, 2012. С. 367–372, 370.

<sup>24</sup> Морщакова Т. Конституционная защита прав и свобод граждан судами Российской Федерации // Сравнительное конституционное обозрение. 2004. № 4 (49). С. 124–128, 125.

<sup>19</sup> Морщакова Т. Г. Применение международного права в конституционном правосудии: итоги и перспективы. С. 119.

<sup>20</sup> Морщакова Т. Г. Роль конституционного правосудия в реализации международно-правовых норм о правах человека. С. 47; см. также: Морщакова Т. Г. Применение международного права в конституционном правосудии: итоги и перспективы. С. 120.

основного закона, принцип юридической безопасности и др.), особенно когда такой масштаб ограничен лишь некоторыми положениями из числа конституционных (например, принципом равенства и запрета дискриминации, отдельными правами). Еще дальше идут те органы конституционной юрисдикции (например, Конституционный совет Франции), которые своим волевым решением прямо признают за собой более широкий контрольный масштаб (включая, кроме буквального содержания конституционного текста, «фундаментальные принципы, признанные законами республики»). Более того, Т. Г. Морщакова отмечает, что по вопросам, не урегулированным Конституцией, «современная позиция Конституционного Суда Российской Федерации (диктуемая уважением к другим судам), который обращается к международным правовым нормам лишь как к неким дополнительным аргументам в защиту прав и свобод, предусмотренных Конституцией, требует, с точки зрения перспектив конституционного правосудия в области защиты прав граждан, существенного развития», в частности «пользоваться нормами международного права как критерием» в своих решениях об оценке нормы «(причем не только в мотивировочной, но и в резолютивной их части)»<sup>25</sup>.

В итоге едва ли можно утверждать, что позиция Т. Г. Морщаковой предполагает пренебрежительное отношение к позитивному праву, руководимое некими принципами, которые «сложились в голове судьи», или соображениями «высшей целесообразности». Терминологически речь может идти только либо об «общих принципах права» как «юридических постулатах (максимах) правил юридической логики» — никто не может передать другому больше прав, чем имеет сам; последующий закон отменяет предыдущий — и других подобных этим установок, которые в некоторых случаях имеют правозащитное значение, либо об «общепризнанных принципах международного права в сфере прав человека», то есть особенно фундаментальных, абстрактных императивных нормах, в том числе договорного и обычного характера<sup>26</sup>. Более

того, в некоторых работах Т. Г. Морщакова делает успешную попытку назвать тот минимальный набор высших (по определению некоторых авторов, использовавших терминологию И. Канта — «трансцендентных») ценностей, не получивших и неспособных получить окончательное и исчерпывающее закрепление в этом позитивном праве. К таким ценностям или принципам автор причисляет: а) принцип уважения человеческого достоинства, являющийся «основой свободы, справедливости и всех неотъемлемых прав личности», б) «общеправовой критерий определенности, ясности, недвусмысленности закона как признак его правового характера», в) принцип широкого толкования прав и свобод и, напротив, «недопустимость расширительного истолкования ограничений и запретов», предполагающие невозможность привлечения к ответственности за деяние, прямо не предусмотренное законом, в том числе на основании аналогии закона, придания закону, отягчающему ответственность, обратной силы, осуждения повторно за одно и то же деяние, г) пропорциональность или соразмерность ограничений. Приведенный перечень принципов не является полным и, действительно, характерен «достаточной сложностью их извлечения из конституционного текста в ходе непосредственно правоприменительного процесса»<sup>27</sup>. Притом что некоторые эти и иные принципы в науке относят к национальным «конституционным принципам» или «общеправовым принципам» (как писаным, так и неписаным)<sup>28</sup>, «достаточно несложно увидеть в этом наборе принципов правозащиты их универсальный для конституционного правосудия, отнюдь не национальный, свойственный этому институту во многих странах мира, характер» — признание «единых общечеловеческих ценностей»<sup>29</sup>. При этом, как согласились между собой в заключительной части Вторых Сенатских чтений Т. Г. Морщакова и В. Д. Зорькин, выявление несоответст-

<sup>27</sup> Верховенство права и проблемы его обеспечения в правоприменительной практике. С. 306–310.

<sup>28</sup> См.: *Алебастрова И. А.* Конституционные принципы: проблемы юридической природы и эффективности реализации // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 7. С. 5–12.

<sup>29</sup> *Морщакова Т. Г.* Доктринальные основы имплементации международных стандартов прав и свобод средствами конституционного правосудия. С. 16.

<sup>25</sup> *Морщакова Т.* Конституционная защита прав и свобод граждан судами Российской Федерации. С. 125.

<sup>26</sup> Такое разделение правовых принципов см., например: *Пацация М. Ш.* Указ. соч.

вия закона этим общечеловеческим ценностям должно иметь место, прежде всего, в форме дисквалификации его Конституционным Судом, о чем будет сказано далее.

## 2. Исполнять нельзя игнорировать

Хорошо известно, что дискуссия о юридической силе решений Конституционного Суда и об их месте в правовой системе продолжилась уже во время действия второго закона о Конституционном Суде от 21 июля 1994 года (в его первоначальной редакции). Несмотря на положения части 6 статьи 125 Конституции и статьи 79 ФКЗ о КС о том, что акты или их отдельные положения, признанные неконституционными, утрачивают силу и что решение Конституционного Суда действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами, звучали предположения, несколько ограничивающие или «приземляющие» свойства этих решений. Так, широко известна статья крупнейшего теоретика права В. С. Нерсесянца, в которой он доказывал, что «решение судебного органа о несоответствии рассматриваемого нормативно-правового акта Конституции закону — лишь основание для отмены этого акта компетентным правотворческим органом, а не сама отмена», а также что создание конституционным судом новой нормы в ходе толкования «выходит за рамки его правомочий»<sup>30</sup>. Этот подход, теоретически привлекательный с позиции концепции «разделения властей», содержал в себе, как кажется, известную инерцию недосказанности и нерешительности законодателя по отношению к Комитету конституционного надзора СССР и, в меньшей степени, Конституционному Суду РСФСР и не способствовал упрочению позиций конституционного правосудия в этой системе. У правоприменителя возникало сомнение: во-первых, означает ли решение Конституционного Суда о неконституционности нормы ее автоматическое исчезновение из правового поля и, во-вторых, вправе ли Суд в процессе нормоконтроля давать об-

щеобязательное истолкование текущего законодательства.

В ходе работы Конституционного совещания возник вопрос о том, чтобы зафиксировать в тексте Конституции, что Конституционный Суд отменяет своим решением акт, признанный им неконституционным. Несмотря на то что прямо такая формула не была включена, как замечала Т. Г. Морщакова, «именно в этом смысл конституционного судопроизводства, иначе мы с вами получим Комитет конституционного надзора»<sup>31</sup>. В этом отношении она, наряду с другими специалистами — и самим Конституционным Судом — последовательно отстаивала самостоятельность этих решений, их высокую роль в правовой системе. В отношении первого аспекта Т. Г. Морщакова указывала: «Главной отличительной чертой решения Конституционного Суда о неконституционности нормы является то, что оно должно быть исполнено независимо от дальнейшего поведения законодателя. Внесет ли он изменения в “плохой” закон, лишенный юридической силы, или нет — все равно неконституционная норма применению не подлежит, она устранена из правового пространства»<sup>32</sup>. В отношении второго аспекта подчеркивалось: «К сожалению, полномочие Конституционного Суда по толкованию конституционного смысла законов не является бесспорно признанным в российской теории и практике. Однако Конституционный Суд... исходит в своих решениях именно из такого понимания своей компетенции, закрепленной в Федеральном конституционном законе...»<sup>33</sup>

С течением времени, как можно заметить, и парламент, и другие высшие суды предприняли усилия к тому, чтобы устранить эту неопределенность. Федеральным Собранием в 2001 году были внесены изменения в ФКЗ о

<sup>31</sup> Конституционное совещание. Стенограммы. Материалы. Документы. Т. 19: 22, 23, 25, 26, 27 октября 1993 г. М.: Юрид. лит., 1996. С. 274.

<sup>32</sup> Морщакова Т. Г. Конституционный Суд Российской Федерации в системе судебной власти // Российское правосудие в контексте судебной реформы. С. 12—41, 36.

<sup>33</sup> Морщакова Т. Г. О разграничении компетенции между Конституционным Судом РФ, судами общей юрисдикции и конституционными судами субъектов Федерации правосудия // Российское правосудие в контексте судебной реформы. С. 116—126, 118.

<sup>30</sup> Нерсесянц В. С. Суд не законодательствует и не управляет, а применяет право (о правоприменительной природе судебных актов) // Судебная практика как источник права / отв. ред.: Б. Н. Топорнин. М.: Изд-во ИГиП РАН, 1997. С. 34—41.

КС, согласно которым в случае признания нормативного акта полностью или частично не соответствующим Конституции государственный орган или должностное лицо, принявшие этот нормативный акт, должны предусмотреть законоположения об отмене такого нормативного акта полностью или в соответствующей части<sup>34</sup>. Вероятно, законодатель руководствовался при этом самыми благими намерениями (в том числе и тем, чтобы у судов не было формального повода не исполнить постановление Конституционного Суда РФ), но одновременно рискуя создать еще большую двусмысленность, вступив, по сути, в противоречие с приведенными выше положениями ФКЗ о КС и Конституции. С механизмом по приведению законов и иных нормативных актов в соответствие с Конституцией в связи с решением Конституционного Суда «связана опасность недооценки такого компонента юридической силы решений Конституционного Суда, как их вступление в силу немедленно после провозглашения, а также непосредственное действие, в силу которого они не требуют подтверждения какими-либо другими инстанциями»<sup>35</sup>. Правило о непосредственном и общеобязательном действии решений Конституционного Суда «размывается» изменениями в ФКЗ о КС об отмене нормы, признанной неконституционной, «хотя непонятно, зачем ее отменять, если она и без того уже не может действовать...»<sup>36</sup>. Впрочем, постепенно эта проблема отошла на задний план, и сегодня органы правоприменения едва ли часто берут на себя смелость применять нормы, дисквалифицированные постановлением Конституционного Суда.

Гораздо более серьезную проблему составляет нежелание судов распространять вывод Конституционного Суда на аналогич-

ные правовые ситуации, применяя правовые позиции, положенные им ранее в основу этого вывода. Это привело в свое время к появлению так называемых «позитивных определений». В период с 2007 по 2011 год они имели соответствующее обозначение и зачастую могли содержать указания как на необходимость пересмотра дела заявителя (42,3%), так и на потребность в совершенствовании законодательства (15,9%). Как и многие другие ученые и представители Конституционного Суда, Т.Г. Морщакова неоднократно поясняла, что «правоприменитель не может применять те акты, которые аналогичны по своему содержанию противоконституционным», что поднимает «на громадную высоту именно значение деятельности всех судов для реализации постановлений Конституционного Суда»<sup>37</sup>. Принятие позитивных определений являлось «действенным средством реализации правовых позиций Суда по вопросам, регулирование которых осуществляется многими субъектами в актах разного уровня; и потому данное полномочие может эффективно служить устранению нарушений Конституции, повторяющихся, например, в законодательстве многих субъектов Федерации»<sup>38</sup>. Введение в конце 2010 года процедуры «письменного производства», вопреки замыслу законодателя исключить принятие такого рода решений<sup>39</sup>, полностью этой цели не достигло.

Одновременно законодатель указал, что позиция Конституционного Суда относительно того, соответствует ли Конституции России смысл нормативного правового акта или его отдельного положения, придаваемый им правоприменительной практикой, выраженная в постановлении, подлежит учету правоприменительными органами с момента вступления в силу соответствующего постановления Конституционного Суда<sup>40</sup>. Верховный Суд, в свою очередь, отреагировал на это из-

<sup>34</sup> См.: Федеральный конституционный закон от 15 декабря 2001 года № 4-ФКЗ.

<sup>35</sup> Морщакова Т.Г. Конституционный Суд Российской Федерации в системе судебной власти. С. 39.

<sup>36</sup> Морщакова Т.Г. Конституционная защита прав и свобод граждан судами Российской Федерации. С. 128. См. также: Стенограмма круглого стола «Федеральный конституционный закон "О Конституционном Суде Российской Федерации": Опыт применения и перспективы совершенствования. К 15-летию юбилею», Москва, Российская академия правосудия, 1 декабря 2009 г. // Журнал конституционного правосудия. 2010. № 1. С. 1–15.

<sup>37</sup> Морщакова Т.Г. Исполнение решений Конституционного Суда // Российское правосудие в контексте судебной реформы. С. 100–108, 100.

<sup>38</sup> Морщакова Т.Г. Конституционный Суд Российской Федерации в системе судебной власти. С. 37.

<sup>39</sup> См.: Пояснительная записка к проекту Федерального конституционного закона № 431379-5 «О внесении изменений в Федеральный конституционный закон "О Конституционном Суде Российской Федерации"».

<sup>40</sup> См.: Федеральный конституционный закон от 3 ноября 2010 года № 7-ФКЗ.



менение, прямо указав, что постановление Конституционного Суда может являться новым обстоятельством для целей возобновления производства и в случае, если оно содержит иное конституционно-правовое истолкование нормативных положений, примененных в конкретном деле в связи с принятием судебного акта, по которому заявитель обращался в Конституционный Суд, и в силу этого влечет пересмотр судебного акта в отношении заявителя<sup>41</sup>. Тем не менее остается проблема другого рода, которую усилиями ученых едва ли в обозримом будущем удастся разрешить. Речь идет о нежелании судов учитывать толкование, которое Суд дает нормам отраслевого законодательства, отказывая в рассмотрении дела в так называемых простых, отказных определениях — как на будущее, так тем более и для целей пересмотра состоявшегося судебного акта по делу заявителя, основанного на некорректной интерпретации таких норм. Эта распространенная ситуация не охватывается приведенным регулированием, поскольку в нем речь идет: а) именно о постановлении о соответствии нормы Конституции, а не об определении, разрешающем вопрос о допустимости обращения, б) о выявлении именно конституционно-правового смысла, а не об отраслевом (межотраслевом) толковании, в) о сложившейся практике, а не о единичных «экспецсах». Несмотря на положения статьи 6 ФКЗ о КС об общеобязательности всех видов и типов актов Суда и на то, что в процессуальном законодательстве неправильное толкование и применение материального права является основанием для отмены (изменения) решения суда нижестоящей инстанции проверочной инстанцией в различных процедурах, подобного рода определения не признаются таким основанием. В таких обстоятельствах практика Конституционного Суда, к сожалению, представляет собой вариант теоретического или «платонического», по выражению самой Т. Г. Моршачковой, судебного контроля, имеющего, максимум, «поучительно-превентив-

ный эффект»<sup>42</sup>. Примеров такой ситуации можно привести немало.

Непризнание этой самодостаточности всех без исключения решений Конституционного Суда, а равно не только их постановляющей, но и аргументационной части — в совокупности с непризнанием самодостаточности международных гуманитарно-правовых обязательств России — способно привести в перспективе к глобальным последствиям. Так, на фоне ухудшения в 2014–2015 годах международно-политической обстановки (в связи с обострением отношений России с Советом Европы, разгулом международного терроризма и др.) от лица высокопоставленных политических деятелей звучат популистские заявления о необходимости возвращения в России смертной казни и предлагаются соответствующие законопроекты о введении высшей меры ответственности для террористов. На этом фоне продолжают появляться и научные публикации, ставящие под сомнение правовую основу для неприменения этой меры наказания. Так, А. В. Малько, В. А. Терехин и С. Ф. Афанасьев в своей статье 2014 года приходят к выводу о том, что нельзя согласиться с толкованием Определения Конституционного Суда от 19 ноября 2009 года № 1344-О-Р «как якобы бесповоротно отменившего высшую меру наказания, с его законностью и обоснованностью», равно как и «с легитимностью прочих принятых решений, являющихся инструментами блокирования функционирующего законодательства, направленного на реализацию института смертной казни», отчего «сейчас у судов нет юридических барьеров для ее неприменения»<sup>43</sup>. В частности, указывается, будто бы «Конституционный Суд РФ не отменил, а еще раз продлил им же ранее объявленный мораторий на применение смертной казни» (сразу можем отметить, что: а) начало так называемого «моратория»

<sup>42</sup> См. особое мнение судьи Т. Г. Моршачковой к Постановлению Конституционного Суда РФ от 18 февраля 1997 года № 3-П.

<sup>43</sup> Малько А. В., Терехин В. А., Афанасьев С. Ф. Смертная казнь в современной России: не пора ли наконец определиться? // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2014. № 2. С. 79–89. Подобные выводы делает и ряд других авторов, например: Иванов А. В. Проблемы отмены смертной казни в решениях Конституционного Суда Российской Федерации // Российский судья. 2015. № 7. С. 35–38.

<sup>41</sup> См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 11 декабря 2012 года № 31 «О применении норм Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации при рассмотрении судами заявлений, представлений о пересмотре по вновь открывшимся или новым обстоятельствам вступивших в законную силу судебных постановлений».

было положено вступлением в Совет Европы в 1996 году и оформлено актом Президента России; б) Постановление Конституционного Суда 1999 года<sup>44</sup> говорило уже о недопустимости не применения смертной казни, а самого назначения смертных приговоров; в) в отличие от этого постановления Определение 2009 года не ограничило пределы своего действия конкретными временными рамками). Дальнейшие аргументы авторов сводятся к следующему: Протокол № 6 к Европейской Конвенции «для России юридической силы не имеет» как нератифицированный и не может «отменить или нивелировать» положение Конституции, будучи «низшим по статусу» предписанием; мотивировка Конституционного Суда юридически несостоятельна, не подлежит признанию, так как не демонстрирует «позитивную социальную традицию» и расходится с общественным мнением; Суд при разъяснении своего постановления вышел за пределы содержания этого постановления.

Соглашаясь с тем, что «более последовательной и прочной основой» для того, чтобы «продемонстрировать волю государства соблюдать и в дальнейшем международные договоры в части отмены смертной казни», могло бы стать внесение изменений в уголовное законодательство<sup>45</sup>, Т. Г. Морщакова в остальном, как кажется, кардинально расходится с такой позицией (как и другие ученые и государственные деятели, например Председатель Конституционного Суда В. Д. Зорькин<sup>46</sup>). С учетом изложенного в предыдущей части настоящей статьи не будет неожиданной ее точка зрения на то, что сам факт добровольного, осознанного и совершенно закономерного принятия Россией обязательств по Европейской Конвенции и Протоколу № 6, по смыслу части 2 статьи 20 Конституции РФ, означал собою форму «отмены» этой меры наказания, не вполне согласующейся с признанием естественного и неотчуждаемого права на жизнь, необходимость применения судами норм Конституции и международного

права, а не норм отставшего и морально, и юридически от конституционного развития уголовного закона.

Постановление же Конституционного Суда, как можно понять, не ставя этот тезис под сомнение (поскольку это не было предметом рассмотрения и «поскольку предполагалось, что введенный на этой основе в правовой системе Российской Федерации временный мораторий на применение смертной казни — после ратификации Протокола № 6 (т. е. не позднее 28 февраля 1999 года) — трансформируется в постоянно действующую норму»), послужило альтернативным процессуально-правовым обоснованием недопустимости этой меры, став частью этого «комплексного моратория». В Определении же Суд, широко ссылаясь на статью 18 Венской конвенции о праве международных договоров (которая повторяется в части 2 статьи 31 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации»), специально отметил, что введение повсеместно суда присяжных, по смыслу постановления, вовсе не означало «автоматического отпадения других условий для неприменения смертной казни, в том числе непосредственно не затронутых в Постановлении тенденций в решении вопроса о смертной казни, связанных с международными обязательствами», и констатировал в резолютивной части, несмотря на введение повсеместно суда присяжных, если не отмену, то «необратимый процесс, направленный на отмену» и невозможность потому дальше применять эту меру. Это позволяет утверждать, что Конституционный Суд «взял на себя от лица государства ответственность за выполнение Россией ее международных обязательств», учитывая, что не исключается «использование в правовой системе России не законодательных, а иных, конкурирующих с ними, способов отмены смертной казни», и поскольку «законодатель не вправе преодолеть юридическую силу решения Конституционного Суда», возврат к этой мере возможен разве что посредством отказа от участия в Совете Европы и отказа от конституционной нормы гарантировать права человека согласно международным стандартам (ст. 17 Конституции)<sup>47</sup>.

<sup>44</sup> Постановление Конституционного Суда РФ от 2 февраля 1999 года № 3-П.

<sup>45</sup> См.: Морщакова Т. Г. Казнить нельзя. Точка? // Профиль. 2009. № 41. С. 22–23.

<sup>46</sup> См.: Зорькин В. Д. Цивилизация права: современный контекст // Журнал конституционного правосудия. 2014. № 5. С. 1–15.

<sup>47</sup> См.: Морщакова Т. Правовая легализация отмены смертной казни в России: Комментарий к Определе-

Из изложенного можно заключить, что исполнение решений Конституционного Суда, с позиции Т. Г. Морщаковой, основывается на тех принципах и правилах, которые сформулированы в самом законе: учет не только резолютивного вывода, но и правовых позиций, положенных в его основание, равно внимательное отношение ко всем решениям, вне зависимости от того, в какой форме они приняты, их непосредственное действие, нуждающееся не в одобрении, а в признании и уважении теми, кому они адресованы.

### 3. Диалог вместо конфронтации

Можно напомнить, что на завершающем этапе разработки проекта новой Конституции России уже действовал первый Закон о Конституционном Суде РСФСР, провозглашавший его высшим судебным органом защиты конституционного строя РСФСР, была принята Концепция судебной реформы в РСФСР (одним из разработчиков которой также стала Т. Г. Морщакова), объявившая, что на территории Российской Федерации будут одновременно действовать Конституционный Суд РСФСР, органы конституционного контроля республик в ее составе, общие суды, возглавляемые Верховным Судом, арбитражные суды во главе с Высшим Арбитражным Судом, другие специализированные суды. Несмотря на это, до последнего момента звучали голоса и тех, кто не желал видеть Конституционный Суд автономным, самостоятельным судебным учреждением (и которые особенно укрепились с изданием Президентом России известного Указа от 7 октября 1993 года № 1612, которым он рекомендовал рассмотреть вопрос об организационно-правовых формах осуществления конституционного правосудия в Российской Федерации). Альтернативой было названо создание единого Верховного Суда, в котором обособлялась бы конституционная (наряду с арбитражной) палата или коллегия; одновременно с этим обсуждалось создание Высшего судебного присутствия,

которое могло бы стать «надстройкой» над всеми судами, в том числе и конституционным. После множества обсуждений с участием видных российских ученых и судей обе эти идеи были отвергнуты: не последняя роль в этих обсуждениях, как видно по архивным документам и стенограммам, принадлежала Т. Г. Морщаковой, которая настаивала на том, что, принимая во внимание дальнейшую потребность в специализации судебной системы, существующие высшие суды необходимо было назвать именно в тексте Конституции, реализовав по меньшей мере то, что уже было достигнуто законодателем<sup>48</sup>; одновременно, обращаясь к опыту ФРГ, она указывала на то, что у органа конституционного контроля вряд ли возникнет потребность в согласовании позиций по вопросам судебной практики с другими судами, тем более во внепроцессуальной, несудебной форме<sup>49</sup>.

По прошествии без малого двух с половиной десятилетий старая дискуссия вновь поднимается на страницах печати на фоне недавнего объединения двух высших судов. А. В. Малько, П. А. Давыдов и О. В. Люкина в своей статье 2015 года, полагая, что «в ходе проводимой сейчас судебной реформы остается нерешенной роль Конституционного Суда РФ в этой новой системе» и что «на данный момент деятельность Конституционного Суда РФ нельзя назвать эффективной», выдвигают тезис о том, что «в стратегическом плане было бы верным объединение “всех трех ветвей” судебной власти — конституционной, арбитражной и общей юрисдикции — в одну, которую олицетворял бы Верховный Суд РФ»<sup>50</sup>. При этом, правда, не указывается, в чем же неэффективность его деятельности (говорится только, что «количество рассматриваемых дел не так уж велико»), и от-

<sup>48</sup> См.: Конституционное совещание. Стенограммы. Материалы. Документы. Т. 14: 24 июня 1993 г. М.: Юрид. лит., М.: Юрид. лит., 1996. С. 100.

<sup>49</sup> См.: Конституционное совещание. Стенограммы. Материалы. Документы. Т. 11: 17 июня 1993 г. М.: Юрид. лит., 1996. С. 11–12.

<sup>50</sup> Малько А. В., Давыдов П. А., Люкина О. В. Стратегия развития правосудия в Российской Федерации: Проблемы теории и практики // Законы России: опыт, анализ, практика. 2015. № 3. С. 84–88, 85. Что же касается идеи «Высшего судебного присутствия», то ее ранее в своих выступлениях «реанимировал» М. Ю. Барщевский. См.: URL: <http://pravo.ru/review/view/83669/> (дата обращения: 18.04.2016).

нию Конституционного Суда Российской Федерации от 19 ноября 2009 года // Сравнительное конституционное обозрение. 2010. № 1 (74). С. 185–187. См. также: Морщакова Т. Смертная казнь: победят ли аболиционисты? Введение // Конституционное право: восточноевропейское обозрение. 2004. № 2 (47). С. 122–124.

чего вдруг возникла нерешенность его роли в судебной системе, полностью отсутствуют ссылки на какую-либо судебную практику, статистику и практически — на научную литературу. На фоне этой дискуссии доводы, звучавшие в начале 1990-х годов, никем не опровергнутые, вновь заслуживают внимания. Резюмировать их можно следующими словами: во-первых, как поясняет Т. Г. Морщакова в одном из недавних интервью, «нигде в мире нет такой тенденции, что суды от возможности дифференциации, специализации в их компетенции... переходят в обратное, некое унитарное состояние. <...> ...Верховный суд США — это маленький судебный орган, состоящий из 9 судей, которые практически играют роль КС, а не какого иного. Просто свои решения о толковании конституции и об устранении ее нарушений он принимает по конкретным делам»; во-вторых, Большой сенат в ФРГ «действует как научная инстанция, как инстанция толкования права, но при этом снабжающая свое толкование обязательной силой судебного акта» и притом в ситуации, когда иначе «стороны реально получают разные решения разных юрисдикций»<sup>51</sup>. Эти доводы более подробно уже освещались нами<sup>52</sup>.

Несмотря на эти доводы, не отрицается значение единства судебной системы в правовом государстве, которое прямо утверждается статьей 3 ФКЗ о КС о судебной системе. Вопрос, следовательно, состоял и состоит теперь в том, какими средствами достичь этого единства и для чего. Как заметила Т. Г. Морщакова в одной из наиболее часто цитируемых статей, «это единство может быть обеспечено именно посредством четкого разграничения компетенции между судами, приобретающего особое значение в создании такого положения, при котором судебная власть в целом, все суды вместе исключают возможность необеспеченного судебной защитой правового пространства... Только если это обеспечено и пробелов в судебной защите нет, может быть реализована цель, которая

преследуется созданием судебной власти»<sup>53</sup>. В России, по-видимому, единство судебной власти остается в большей степени организационным (институциональным), чем функциональным, притом что существование первого отнюдь не обязательно определяет наличие второго. Правовые основы такого единства, которое отражало бы взаимоуважение между судебными органами и одновременно гарантировало бы право каждому на судебную защиту, удачно сформулированы в ряде работ Т. Г. Морщаковой.

Безусловно, должен уважаться принцип прямого действия российской Конституции и ее непосредственного применения всеми судами, который, в условиях разграничения компетенции между ними и Конституционным Судом, выражается в следующем. «Если отсутствуют нормы, регулирующие определенные правоотношения, или если любые доконституционные нормы либо принятые на основе действующей Конституции подзаконные акты (ниже уровня закона) противоречат Конституции, суд общей юрисдикции применяет непосредственно конституционные положения»<sup>54</sup>. На это неоднократно обращал внимание и сам Конституционный Суд, подчеркивая, что «в отсутствие специального регулирования должны непосредственно применяться нормы Конституции Российской Федерации»<sup>55</sup>, а, в частности, «в тех случаях, когда признание нормативного акта противоречащим Конституции Российской Федерации создает пробел в правовом регулировании, подлежит непосредственному применению Конституция Российской Федерации, в том числе закрепленный в ней принцип соразмерности (пропорциональности)»<sup>56</sup>. Что касается второй ситуации, то, как также отмечал Конституционный Суд, законодательство «не исключает возможности реализации кон-

<sup>51</sup> Слияние судов: кому это выгодно: Интервью с Т. Г. Морщаковой // Эхо Москвы. 2013. 26 июня.

<sup>52</sup> См.: Блохин П. Д., Замышляев Д. М. Специализация судебной системы на высшем уровне: Ретроспектива // Вісник Харківського національного університету імені В. Н. Каразіна. 2015. Вып. 20. С. 214–222.

<sup>53</sup> Морщакова Т. Г. Разграничение компетенции между Конституционным Судом и другими судами Российской Федерации // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 1997. № 7. С. 22–31, 23.

<sup>54</sup> Морщакова Т. Г. О разграничении компетенции между Конституционным Судом РФ, судами общей юрисдикции и конституционными судами субъектов Федерации правосудия. С. 117.

<sup>55</sup> Определение Конституционного Суда РФ от 22 мая 1997 года № 75-О и др.

<sup>56</sup> Постановление Конституционного Суда РФ от 15 января 2002 года № 1-П.

ституционного права на судебную защиту, которая должна осуществляться в установленных законодателем для различных категорий дел процессуальных формах. При этом во всех видах производства судов общей юрисдикции и арбитражных судов в соответствии со статьями 46 и 120 Конституции Российской Федерации гражданину обеспечивается защита от применения в его деле любого неконституционного или противоречащего закону нормативного акта ниже уровня закона»<sup>57</sup>.

Должно соблюдаться требование о лишении законодательного акта, противоречащего Конституции, надлежащим, то есть компетентным в этом вопросе, судом с вытекающими правовыми последствиями. Известное постановление Конституционного Суда 1998 года гласит: «В аспекте взаимодействия судов различных видов юрисдикции и разграничения их компетенции по выявлению неконституционных законов исключение последних из числа действующих актов является совокупным результатом реализации, с одной стороны, обязанности общих судов поставить вопрос о конституционности закона перед Конституционным Судом Российской Федерации, а с другой — обязанности последнего окончательно разрешить этот вопрос»<sup>58</sup>. Такой подход, как известно, первоначально вызвал сопротивление других высших судов и их представителей. Однако «независимость судей превратилась бы в произвол, если бы они не были связаны законом, просто откладывали бы его в сторону при рассмотрении конкретного дела как неконституционный, не заботясь о его будущем», обращение с запросом в Конституционный Суд «повышало бы ответственность обычных судов за соответствие закона конституции и справедливым представлениям о праве»<sup>59</sup>.

Так или иначе, с 1995 года по 2015 год включительно свыше 500 обращений судов, в том числе конституционных (уставных) судов субъектов Федерации, а равно Суда по

интеллектуальным правам, становились поводом к вынесению постановлений или определений<sup>60</sup>. С одной стороны, это, несомненно, свидетельствует о готовности правоприменителя реализовывать возложенную на него функцию участия в «санации» законодательства, а с другой — об имеющемся резерве для ее исполнения, если учесть, что пока это лишь малая часть обращений в сравнении с жалобами граждан (25760 за тот же период). «Одно только сомнение, возникающее у суда относительно несоответствия закона конституции, не является достаточным основанием для обращения в Конституционный Суд. Эти сомнения все суды устраняют путем дальнейшего самостоятельного уяснения смысла применяемых норм. Такой подход помогает уточнению границ полномочий судов общей юрисдикции и Конституционного Суда»<sup>61</sup>. С учетом этого обязанность обращаться к помощи федерального Конституционного Суда не может восприниматься как «отлучение» иных судов от Основного закона.

Изменения правового регулирования этого механизма — преюдициальных запросов — сделанные в 2010 году, как нам кажется, были скорее оценены Т. Г. Морщаковой негативно (новая формулировка статьи 96 ФКЗ о КС «ограничивает возможности обращения к конституционному правосудию и для судов, и для граждан»)<sup>62</sup>. По буквальному смыслу статьи 101 ФКЗ о КС, суд может обратиться с запросом о проверке конституционности закона, лишь подлежащего применению в конкретном деле. Аналогичным образом сформулирована норма в ГПК РФ: напротив, не только АПК РФ и УПК РФ, но и недавно принятый КАС РФ не среагировали на это изменение, и в них говорится о запросе о проверке закона, примененного или подлежащего применению (точно так же иные ко-

<sup>57</sup> Определение Конституционного Суда РФ от 22 октября 1999 года № 183-О.

<sup>58</sup> Постановление Конституционного Суда РФ от 16 июня 1998 года № 19-П.

<sup>59</sup> Морщакова Т. Г. Несколько замечаний, касающихся процессуальной стороны деятельности Конституционного суда // Конституционный вестник. 1991. № 6. С. 49–53, 50–51.

<sup>60</sup> Статистика согласно интернет-сайту Конституционного Суда РФ. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Decision/Statistics/Pages/default.aspx> (дата обращения: 18.04.2016).

<sup>61</sup> Морщакова Т. Г. О разграничении компетенции между Конституционным Судом РФ, судами общей юрисдикции и конституционными судами субъектов Федерации правосудия. С. 120.

<sup>62</sup> Комментарий к статье 102 // Комментарий к Федеральному конституционному закону «О Конституционном Суде Российской Федерации» (постатейный) / под ред. Г. А. Гаджиева. С. 579–583, 580.

дексы, кроме АПК, говорят об этой процедуре в тесной связке с обязанностью суда приостановить производство по делу). Как указывается в комментарии к соответствующей статье ФКЗ о КС, подготовленном Т. Г. Морщаковой и М. А. Филатовой, «действующее регулирование не запрещает судам обратиться с запросом о конституционности непримененной нормы уже после разрешения дела по существу в том случае, если они разрешали дело на основе прямого применения конституционных норм, а не закона, нормы которого вызывают сомнение в их конституционности»<sup>63</sup>. Равным образом «требуется широкое, а не узкое понимание подлежащего применению закона, которое не лишало бы вышестоящие суды их правомочия, не внося коррективы в вынесенные нижестоящими судами судебные акты в части примененного права, обращаться по поводу примененных норм к конституционному правосудию»<sup>64</sup>. Такой подход в некоторых случаях может быть особенно актуален: он позволяет разрешить возникшие сомнения судов в том, как им поступать, когда подлежащий применению закон видится неконституционным, но производство по делу осуществляется в сокращенные сроки и не терпит приостановления (к примеру, об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу — в течение 8 часов с момента поступления материалов в суд; об административном правонарушении в отношении лица, подвергнутого административному задержанию, — не позднее 48 часов с момента его задержания; о госпитализации гражданина в недобровольном порядке или о продлении срока госпитализации — в течение 5 дней со дня принятия административного искового заявления к производству суда).

Применительно к взаимоотношениям федерального Конституционного Суда и региональных органов конституционного контроля Т. Г. Морщакова отмечала проблему конкурирующей компетенции — проверки законодательных актов субъектов, принятых в сфере совместного ведения, а также в сфере веде-

ния субъекта (при судебном контроле по жалобам граждан), усугубляющуюся тем, что большая часть норм конституций и уставов субъектов дублирует нормы Конституции о правах, а Конституционный Суд использует общеправовые принципы (правовая определенность, равенство, справедливость), общие и для прочих судов, в том числе региональных конституционных. Проблема эта носит не столь острый характер, если иметь в виду не очень высокую интенсивность деятельности конституционных (уставных) судов субъектов, не говоря уже о сокращении их числа (ликвидирован Уставный Суд Челябинской области, неясны перспективы фактически упраздненного Конституционного Суда Республики Бурятия, в «подвешенном» состоянии находится только созданный Уставный Суд Иркутской области), и не будет подробно рассматриваться здесь, несмотря на новый импульс этой дискуссии, вызванный Постановлением Конституционного Суда 2013 года о проверке конституционности Закона Челябинской области «О транспортном налоге» в связи с запросом Законодательного Собрания Челябинской области<sup>65</sup> и особым мнением судьи Г. А. Гаджиева к нему.

Что касается взаимоотношений российского Конституционного Суда и Европейского Суда по правам человека, то, как хорошо известно, проблема с принятием Конституционным Судом двух постановлений, по запросам Президиума Ленинградского окружного военного суда в 2013 году и группы депутатов Государственной Думы в 2015-м, а также с рассмотрением запроса Министерства юстиции об исполнении постановления Европейского Суда по делу «Анчугов и Гладков против России»<sup>66</sup>, приобрела не только теоретическое, но и выраженное прикладное звучание. Последующее принятие поправок в ФКЗ о КС и настороженная реакция на них со стороны Венецианской комиссии это звучание еще более усилили. В связи с этим представляется своевременным обратиться к дискуссии о необходимости, с одной стороны, добросовестно исполнять решения Европейского Суда, вынесенные по делам с участием Рос-

<sup>63</sup> Комментарий к статье 101 // Комментарий к Федеральному конституционному закону «О Конституционном Суде Российской Федерации» (постатейный) / под ред. Г. А. Гаджиева. С. 570–579, 574.

<sup>64</sup> Там же. С. 575.

<sup>65</sup> Постановление Конституционного Суда РФ от 2 декабря 2013 года № 26-П.

<sup>66</sup> К моменту выхода в свет настоящей статьи постановление по этому делу уже будет опубликовано.

сии, а с другой — не допустить «размывания» национального суверенитета. Видный российский ученый В. А. Мусин, ныне уже покойный, выступая на очередных Сенатских чтениях в Санкт-Петербурге, выдвинул следующий тезис: «как бы широко ни интерпретировать компетенцию международного суда, в частности Европейского, она, во всяком случае, не может легитимировать этот суд на то, чтобы своим решением обязать государство действовать вопреки своему публичному порядку», при этом «публичный порядок неравнозначен понятию российского законодательства, и, как справедливо отмечает в одном из своих актов Верховный Суд Российской Федерации, публичный порядок означает фундаментальные правила, относящиеся к экономической и социальной структуре общества, базовые основы правопорядка, установленные государством и закрепленные в Конституции Российской Федерации и в федеральных законах»; одновременно, «поскольку правовые нормы, воплощающие публичный порядок страны, содержатся в первую очередь в ее Конституции, то необходимо учитывать толкование Конституции, даваемое уполномоченным на это органом»<sup>67</sup>.

Как и другие ученые и судьи, Т. Г. Морщакова обращает внимание на формирование «конституционного международного права» или «конституционного права наднационального уровня», отражающего единый подход или стандарт к защите основополагающих прав и свобод, который признает и российская Конституция в части 2 статьи 55<sup>68</sup>. При этом подчеркивается, что «конституционный, закрепленный в российской Конституции каталог прав и свобод человека и гражданина практически идентичен, полностью корреспондирует тому, что признается европейским

сообществом и мировым сообществом в качестве таких прав»<sup>69</sup>. Подтверждением являются и многочисленные ссылки российского Конституционного Суда на практику Европейского Суда, о чем говорилось ранее. Такое соответствие обеспечивается не только и не столько идентичными формулировками двух актов, сколько их надлежащей интерпретацией органами конституционного контроля, например применением доктрины автономных понятий<sup>70</sup> (в силу которой, например, как по смыслу части 2 статьи 22 Конституции, так и по смыслу подпункта «е» пункта 1 статьи 5 Конвенции понятие «задержание» означает любое лишение свободы не в результате осуждения, независимо от наименования в отраслевом законодательстве, включая принудительную госпитализацию)<sup>71</sup>. Правда, это же самое обстоятельство может приводить и к обратным последствиям — противоположному пониманию конституционных и конвенционных терминов и институтов. Следовательно, и это заметил Конституционный Суд в своем постановлении, наиболее вероятно, что «речь идет не о противоречии между Конвенцией о защите прав человека и основных свобод как таковой и национальными конституциями, а о коллизии толкования конвенционного положения, данного Европейским Судом по правам человека в постановлении по конкретному делу, и положений национальных конституций, в том числе в их истолковании конституционными судами»<sup>72</sup>. Этот тезис позволяет снять остроту противоречия, поскольку открывает возможность для его разрешения как посредством корректировки судебной практики, так и посредством налаживания более тесного взаимодействия между судами. При этом в случае, когда закон, который был ранее оценен Конституционным Су-

<sup>67</sup> Судебная защита: соотношение внутригосударственного и межгосударственного правосудия: Выступление члена-корреспондента РАН, проф. В. А. Мусина на Одиннадцатых Сенатских чтениях 10 декабря 2014 года. URL: <http://www.ksgf.ru/ru/Info/Reading/Pages/PerformanceMysin.aspx> (дата обращения: 18.04.2016).

<sup>68</sup> См.: Морщакова Т. Г. Конституционная защита прав и свобод граждан судами Российской Федерации. С. 124. См. также: Бондарь Н. С. Ценностные начала судебной имплементации конвенционных требований в российскую правовую систему (из практики Конституционного Суда Российской Федерации) // Журнал конституционного правосудия. 2016. № 2. С. 4–10.

<sup>69</sup> Морщакова Т. Г. Применение международного права в конституционном правосудии: итоги и перспективы. С. 117. См. также: Зорькин В. Д. Интеграция европейского конституционного пространства: вызовы и ответы // Журнал российского права. 2006. № 12. С. 14–23.

<sup>70</sup> Об этом применительно к понятию «суд» см.: Морщакова Т. Г. Современное состояние судебной системы. Голицыно, июль 2014. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=yMWHx1Olxj8> (дата обращения: 18.04.2016).

<sup>71</sup> См.: Определение Конституционного Суда РФ от 5 марта 2009 года № 544-О-П.

<sup>72</sup> Постановление Конституционного Суда РФ от 14 июля 2015 года № 21-П.

дом как не нарушающий права заявителя, привел, по мнению Европейского Суда, к нарушению права (как в случае с «делом *Маркина*»), проведение общего мероприятия и отмена такого закона не означает пересмотра решения Конституционного Суда, так как оно становится беспредметным, а корректировке подвергаются решения других государственных органов<sup>73</sup>. Ситуация усугубляется, когда имеет место итоговое решение Конституционного Суда или когда Европейским Судом затрагивается непосредственно конституционная норма.

Диалог между судами может быть выстроен на основе разных процессуальных механизмов. Интересную мысль по этому поводу неоднократно высказывала Т. Г. Морщакова: в Конституции и в ФКЗ о КС есть все основания к тому, чтобы «Комитет Министров, исполняя решения Суда в Страсбурге, мог обратиться в Конституционный Суд с ходатайством о признании норм, устранить которые необходимо для того, чтобы исключить такого рода нарушения, какие Страсбургский Суд отметил, неконституционными»<sup>74</sup>. И далее, поясняя эту мысль: «особое значение» может приобрести Конституционный Суд при исполнении решений Страсбурга, когда «общие мероприятия не могут быть эффективны без устранения из национальной правовой системы определенных норм, применение которых привело к нарушению права». При этом круг судов, уполномоченных на обращение с запросом в Конституционный Суд, не очерчен прямо законом о Конституционном Суде и может включать и Европейский Суд, если тот сочтет такое обращение необходимым для реализации общих мер<sup>75</sup>. Данные предложения основаны также на статье 46 Конвенции и

разделе II Правил Комитета Министров по надзору за исполнением постановлений и условий мировых соглашений, в силу которых последний может поставить перед Судом как вопрос о толковании его постановления, так и вопрос о нарушении государством своих обязательств по его исполнению. В определенной степени предложение Т. Г. Морщаковой нашло свое отражение и в действующем механизме: Конституционный Суд действительно уполномочен разрешать вопрос об оптимальном способе реализации акта Европейского Суда; правда, инициатива должна исходить не от контрольных органов Совета Европы, а от заинтересованной стороны, от российского Министерства юстиции, от Президента или Правительства России.

Эти механизмы могут использоваться и превентивно, чтобы не допустить серьезного расхождения между конституционной и европейской судебной практикой. Протокол № 16 к Европейской Конвенции (открыт для подписания 2 октября 2013 года и пока подписан только 16 государствами, а ратифицирован шестью), призванный способствовать дальнейшему укреплению взаимодействия между Судом и национальными властями и тем самым усиливать «имплементацию Конвенции в соответствии с принципом субсидиарности» (преамбула), предусматривает один из них — вынесение Европейским Судом рекомендательных консультативных заключений «по вопросам принципиального характера, связанным с интеграцией или применением прав и свобод, определенных в Конвенции или в Протоколах к Конвенции» по запросу высшей судебной инстанции государств, рассматривающей конкретное дело, содержащему правовое и фактическое обоснование (ст. 1). Вряд ли эта процедура получит широкое применение, если учесть ревностное отношение национальных судов к собственной компетенции и общее понимание необходимости разгрузить Европейский Суд от потока поступающих дел. Впрочем, и конфликт между высокими судами, как многократно подчеркивалось обеими сторонами, явление скорее исключительное, чем ordinарное. Теоретически, можно представить себе и обратный механизм, который еще более был бы направ-

<sup>73</sup> См.: Морщакова Т. Г. Конституционный Суд Российской Федерации в системе судебной власти. С. 42. См. также: Лазарев Л. В. Правовые позиции Конституционного Суда России. М.: ОАО «Издательский дом «Городец»»; Формула права, 2003.

<sup>74</sup> Верховенство права и проблемы его обеспечения в правоприменительной практике. С. 275. См. также: Внесение в Госдуму законопроекта, позволяющего Конституционному Суду блокировать решение Европейского Суда по правам человека: Интервью с Т. Г. Морщаковой // Эхо Москвы. 2011. 20 июня.

<sup>75</sup> См.: Морщакова Т. Г. Роль конституционного правосудия в реализации международно-правовых норм о правах человека. С. 51. См. также: Морщакова Т. Г. Доктринальные основы имплементации международ-



лен на реализацию принципа субсидиарности и учет Европейским Судом особенностей национальной правовой системы — обращение его в ходе рассмотрения жалобы гражданина с предварительным запросом в конституционный суд или орган эквивалентной юрисдикции соответствующего государства (о толковании конституции или о разъяснении ранее состоявшегося решения такого органа для корректного понимания национального конституционного права или же о проверке соответствия национальному конституционному праву спорного нормативного акта). Впрочем, по причинам, изложенным выше, а также в связи с и так чрезвычайно продолжительными сроками рассмотрения дела в Страсбурге использование этого механизма маловероятно.

Так или иначе, если это противоречие все же возникает, то оно, очевидно, может либо разрешаться в пользу одной или другой позиции, либо заканчиваться взаимоприемлемым компромиссом. При этом единое европейское правовое пространство «не может быть основано ни на сумме правовых порядков, ни на подавлении национальной конституционной системы ценностей», его существование ведет к «удвоению механизмов правозащиты», сохраняя различия правовых систем и снимая остроту дискуссии об их соотношении<sup>76</sup>. Это соответствует подходу немецкой правовой науки, близкой Т. Г. Морщаковой, особенно идее «*Verfassungsgerichtsverbund*», развиваемой А. Фоскуле (что можно перевести, как союз конституционных судов), позволяющей при описании отношений между судами обходиться без «упрощенных пространственных и иерархических концепций, таких как превосходство и подчинение», а исходить из таких характеристик, как «единство, различия и разнообразие, гомогенность и множественность, разграничение, взаимодействие и вовлеченность»<sup>77</sup>. Кстати, по мнению профессора Фоскуле, дело *Görgülü* позволило Федеральному конституционному суду Германии «возвести ЕКПЧ в статус консти-

туционного стандарта контроля вместо формального ранга ординарного федерального закона» и утвердить «не только Германское государство в качестве субъекта международного права, но и все германские органы власти и суды — субъектами Конвенции».

Как отмечала Т. Г. Морщакова на недавней конференции в Санкт-Петербурге с участием представителей Совета Европы, трудно представить себе ситуацию, когда бы передача на международный уровень части компетенции по защите прав и свобод индивидуальных, адресованных каждому, поставила бы под угрозу права коллективного субъекта — народа (то есть народный суверенитет). Действительные пределы признания прав одного человека и ограничения прав другого заложены в статье 17 Конституции, которая «определяет методологически важный подход именно к поиску баланса и согласованию различных конституционных целей и защищаемых Конституцией ценностей и интересов». «Допустимые пределы ограничений диктуются как раз интересами личности, а не интересами государства, которое само выполняет только роль инструмента для ее защиты», а «публичный интерес признается достаточным основанием для ограничения прав и свобод только в том единственном случае, если защита этого публичного интереса необходима именно в целях защиты личности»<sup>78</sup>. В итоге, по мнению Т. Г. Морщаковой, отступить от исполнения решений Суда в Страсбурге можно в одном случае: когда «национальный уровень гарантий прав и свобод выше», из чего исходит и сама Конвенция<sup>79</sup>. Такая возможность заложена в самих положениях двух актов (ст. 53 Конвенции и ч. 1 ст. 55 Конституции РФ) и может явиться следствием более широкого истолкования Конституционным Судом сферы действия тех или иных прав.

<sup>76</sup> Морщакова Т. Г. Доктринальные основы имплементации международных стандартов прав и свобод средствами конституционного правосудия. С. 9.

<sup>77</sup> Voßkuhle A. Multilevel cooperation of the European Constitutional Courts: Der Europäische Verfassungsgerichtsverbund // European Constitutional Law Review. Vol. 6. 2010. No. 2. P. 175—198.

<sup>78</sup> Морщакова Т. Г. О духе и букве Конституции РФ и балансе конституционных ценностей // Конституция Российской Федерации: доктрина и практика: материалы научно-практической конференции, посвященной 15-летию Конституции РФ и 60-летию Всеобщей декларации прав человека. Санкт-Петербург, 13—14 ноября 2008 г. / отв. ред. В. Д. Зорькин. М.: Норма, 2009. С. 261—265, 262—263.

<sup>79</sup> См.: Морщакова Т. Конституционная и судебная имплементация Европейской Конвенции по правам человека // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. №2 (111). С. 182—189.

В подобном же ключе высказался и Конституционный Суд, указав, что при принятии решения должно учитываться, «какое толкование, с учетом баланса конституционно защищаемых ценностей и международно-правового регулирования статуса личности, лучше защищает права человека и гражданина в правовой системе данного государства, имея в виду не только непосредственно обратившихся за защитой, но и всех тех, чьи права и свободы могут быть затронуты». Последняя оговорка, несомненно, имеет важное значение: чрезмерное увлечение защитой прав одного лица (заявителя) не должно приводить к автоматическому низложению противостоящих им интересов других частных лиц (что, видимо, имело место в деле *Görgülü* и что составляет дилемму «многополюсности» прав). Одновременно, как часто отмечает в своих выступлениях Т.Г. Моршакова со ссылкой на практику российского Конституционного Суда, «публичные интересы, перечисленные в статье 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, могут оправдывать правовые ограничения прав и свобод, только если такие ограничения адекватны социально необходимому результату; цели одной рациональной организации деятельности органов власти не могут служить основанием для ограничения прав и свобод»<sup>80</sup>. Частным случаем этой позиции можно назвать указание Европейского Суда на то, что статья 1 Конвенции «требует от договаривающихся сторон организовывать их правовые системы так, чтобы обеспечивалось соблюдение статьи 6. Как правило, ссылки на финансовые или практические трудности не могут оправдать неспособность соответствовать этим требованиям»<sup>81</sup>. В этом смысле более перспективным представлением о пределах действия международного права и решений наднациональных органов, чем противоречие «публичному порядку» и «национальному суверенитету», кажется игнорирование «конституционной идентичности» как «сущностного ядра конституционного права» государства, развитое в практике Конституционного совета Франции и Федерального конституционного суда Германии

применительно к взаимоотношениям с Судом ЕС<sup>82</sup>.

Что, несомненно, сближает взгляды крупных ученых, таких как Т.Г. Моршакова и В.Д. Зорькин, на рассматриваемую проблему, это то, что дальнейший диалог должен иметь место и что Конституционному Суду, действительно, принадлежит в этом диалоге важная, если не решающая роль. В Постановлении 2013 года Конституционный Суд пришел к выводу о том, что при возникновении спорной ситуации именно он «в рамках своей компетенции определяет возможные конституционные способы реализации постановления Европейского Суда по правам человека», а «для суда общей юрисдикции в любом случае исключается отказ от пересмотра вступившего в законную силу судебного постановления как процессуальной стадии, обусловленной, в частности, вынесением постановления Европейского Суда по правам человека». Комментируя это решение, Т.Г. Моршакова отметила, что Конституционный Суд, который «оказался в некотором состоянии внешнего конфликта с Европейским Судом по правам человека, в конце концов объяснил, что речь идет о процедурах исполнения решений ЕСПЧ даже в спорных ситуациях, а не об отказе от исполнения»<sup>83</sup>. Полагаем, что не ошибемся, если предположим, что, с позиции Т.Г. Моршаковой, в этом же ключе следует понимать и применять и более позднее постановление, где сказано, что Конституционный Суд принимает решение о «возможности исполнения постановления Европейского Суда по правам человека и принятия мер индивидуального и общего характера, направленных на обеспечение выполнения Конвенции», будучи готовым тем не менее «к поиску правомерного компромисса ради поддержания этой системы, но определение степени своей готовности он оставляет за собой, поскольку границы компромисса в данном вопросе очерчивает именно Конституция Российской Федерации».

<sup>80</sup> Определение Конституционного Суда РФ от 6 июня 2002 года № 133-О и др.

<sup>81</sup> Постановление ЕСПЧ от 26 февраля 1993 года по делу «Салези (Salesi) против Италии».

<sup>82</sup> См.: National Constitutional Avenues for Further EU Integration: Study prepared for the European Parliament, 2014. URL: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/etudes/join/2014/493046/IPOL-JURI\\_ET%282014%29493046\\_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/etudes/join/2014/493046/IPOL-JURI_ET%282014%29493046_EN.pdf) (дата обращения: 18.04.2016).

<sup>83</sup> ЕСПЧ России не указ?: Интервью с Т.Г. Моршаковой // Эхо Москвы. 2014. 19 июня.

В итоге остается только еще раз резюмировать: идеи единства судебной системы и непосредственного действия Конституции, защиты национальной конституционной идентичности и обеспечения верховенства Конституции не противостоят защите прав личности, а являются ее неперенным условием, согласуясь друг с другом через «союз» или диалог между судами.

#### 4. Причастность к Конституции

Когда стало ясно, что Конституционный Суд — как самостоятельный и именно судебный орган — у нас в стране состоится, встал вопрос и о том, в какой степени он будет выполнять функцию арбитра между высшими органами государства или же функцию защиты прав и свобод каждого отдельно взятого гражданина. Предлагались различные способы мобилизации конституционного контроля, то есть субъекты, которые могут инициировать, и процедуры, в которых может быть инициировано судебное разбирательство. Возможно было предусмотреть (хотя и не слишком удачный) механизм обращения с жалобами на судебные решения, принятые на основании обыкновения правоприменительной практики, так и вовсе возможность обращаться с запросом лишь для ограниченного круга государственных органов и должностных лиц. История пошла по иному пути. Как отмечала Т. Г. Морщакова в ходе Конституционного совещания, лишить гражданина возможности жаловаться на неконституционность правоприменительной практики (а в перспективе — «даже на неконституционность закона, ущемляющего его права») означало бы «отлучить гражданина не от Конституционного Суда, а от Конституции»<sup>84</sup>. Позднее Т. Г. Морщакова уже прямо настаивала на том, что нужно «честно сказать, что Конституционный Суд должен рассматривать по индивидуальным жалобам вопрос о неконституционности закона, примененного в конкретном деле», а также «по запросам любого суда давать свою оценку конституционности закона, подлежащего применению»; «дать и гражданину и суду право получить мнение Конституционного Суда в отношении закона, подлежащего

применению в конкретном деле или уже примененного»<sup>85</sup>. Тем самым была избрана известная мировой практике нормативная или частичная модель конституционной жалобы (в противоположность полной конституционной жалобе в ФРГ). Несомненно, сегодня Конституционный Суд — это орган, осуществляющий действенную защиту основных прав человека; в этом же направлении эволюционируют и зарубежные органы конституционного контроля, такие как Конституционный (а ранее Арбитражный) суд Бельгии или Конституционный совет Франции (который неоднократно предлагалось переименовать в суд).

Признание права гражданина вступать в спор с нормотворческим органом основано во многом на признании за правом на судебную защиту абсолютного характера, о котором так часто напоминает Т. Г. Морщакова в своих выступлениях. Уже в решениях самого Конституционного Суда «право на судебную защиту интерпретировано как не подлежащее ограничению», несмотря на длительное «сохранение массива старого исключавшего судебную защиту законодательства»<sup>86</sup>. Доктрина и практика должны исходить из того, что поскольку конституционное право на судебную защиту «никогда не могло бы представлять собой препятствие для достижений таких целей, как защита прав и законных интересов других лиц или тем более защита таких общественных благ, как основы конституционного строя, нравственность, безопасность и оборона государства», то и «отступление от международных стандартов справедливого правосудия невозможно было бы объяснять какими-либо внутригосударственными целями или, например, охраной национального суверенитета» и потому это право считается абсолютным<sup>87</sup>. Заметим, что впоследствии Кон-

<sup>85</sup> Конституционное совещание. Стенограммы. Материалы. Документы. Т. 18: 8 сентября — 21 октября 1993 г. М.: Юрид. лит., 1996. С. 351—353.

<sup>86</sup> Морщакова Т. Г. Конституционная концепция судопроизводства в решениях Конституционного Суда Российской Федерации // Российское правосудие в контексте судебной реформы. С. 52—65, 57.

<sup>87</sup> См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 3 мая 1995 года № 4-П. Заметим, что впоследствии Конституционный Суд начал более осторожно говорить о «рамках допустимых ограничений права на судебную защиту, установленных частью 3 статьи 55

<sup>84</sup> Конституционное совещание. Стенограммы. Материалы. Документы. Т. 11: 17 июня 1993 г. С. 28.

ституционный Суд начал более осторожно говорить о «рамках допустимых ограничений права на судебную защиту, установленных частью 3 статьи 55 Конституции» (Определение Конституционного Суда РФ от 4 декабря 2003 года № 456-О и др.) и о таких ограничениях «гарантий судебной защиты», «которые обусловлены защитой конституционных ценностей, перечисленных в статье 55 часть 3 Конституции» (Определение Конституционного Суда РФ от 9 апреля 2002 года № 28-О).

Представляется, что это противоречие, если оно действительно есть, стоит толковать в том смысле, что всякое ограничение права на судебную защиту в собственном смысле будет неправомерным, однако допустимы условия, рамки реализации этого права, которые, однако, не достигают такой степени интенсивности, чтобы считаться ограничениями. К числу таких условий можно отнести требования по оформлению заявления в суд и уплате государственной пошлины, учету подведомственности и подсудности спора, соблюдению досудебного порядка урегулирования и т. д. Как часто указывает Конституционный Суд, «статья 46 Конституции Российской Федерации не предполагает возможность выбора гражданином по своему усмотрению любых способов и процедур судебной защиты (в том числе обжалования судебных решений, вступивших в законную силу), особенности которых применительно к отдельным видам производства и категориям дел определяются, исходя из статей 46–53, 118, 120, 123 и 125–128 Конституции Российской Федерации, федеральными конституционными законами и федеральными законами»<sup>88</sup>. Напротив, должна быть исключена, как цитировалось выше, «возможность необеспеченного судебной защитой правового пространства», в частности невозможность обратиться

за судебной защитой лицам, принадлежащим к той или иной категории, а также невозможность оспорить ту или иную категорию актов, нарушающих права и свободы лица (яркий пример — знаменитое постановление Конституционного Суда 1993 года по поводу невозможности оспаривания в судебном порядке вопросов увольнения прокурорских работников).

В первом случае практика Конституционного Суда постоянно движется в сторону признания максимально широкого круга надлежащих субъектов обращения в Конституционный Суд, и в разное время такими надлежащими субъектами были признаны: иностранные граждане и лица без гражданства, лица, признанные недееспособными, общественные организации, политические партии и их региональные отделения, профсоюзы, религиозные объединения, коллегии адвокатов, фонды, общественные движения, ассоциации, товарищества, кооперативы, крестьянские (фермерские) хозяйства, акционерные общества, общества с ограниченной ответственностью, зарубежные организации и их филиалы, государственные предприятия, государственные учреждения, муниципальные предприятия, муниципальные образования, органы и должностные лица местного самоуправления. Применительно к последнему примеру, как справедливо отметила Т. Г. Морщакова, «существенным шагом в развитии правозащитных полномочий конституционного судопроизводства представляется данное Конституционным Судом... достаточно широкое истолкование правомочий органов местного самоуправления в качестве субъектов обращения о проверке конституционности законов, применением которых в конкретном деле затрагиваются конституционные права на местное самоуправление»<sup>89</sup>.

Во втором случае это движение носит не столь интенсивный характер. Используя понятие «закон» в материальном значении, Конституционный Суд с теми или иными оговорками признал подведомственными жалобы граждан и их объединений не только на

Конституции» (Определение Конституционного Суда РФ от 4 декабря 2003 года № 456-О и др.) и о таких ограничениях «гарантий судебной защиты», «которые обусловлены защитой конституционных ценностей, перечисленных в статье 55 часть 3 Конституции» (Определение Конституционного Суда РФ от 9 апреля 2002 года № 28-О). См. также: Стандарты справедливого правосудия (международные и национальные практики) / под ред. Т. Г. Морщаковой. М. : Мысль, 2012. С. 14.

<sup>88</sup> Определение Конституционного Суда РФ от 8 ноября 2005 года № 399-О и многие другие.

<sup>89</sup> Защита прав местного самоуправления органами конституционного правосудия России. Т. 1 / под ред. Т. Г. Морщаковой. М. : ООО «Городец-издат», 2003. С. 5.

федеральные (конституционные) законы и законы субъектов Федерации, но и на постановления Правительства, постановления Государственной Думы об амнистии, а равно постановления о порядке применения постановления об амнистии, а также постановления Верховного Совета РСФСР и постановления Совета Министров РСФСР, то есть акты, принятые до вступления в силу Конституции РФ 1993 года, нормы Таможенного кодекса и решения Комиссии Таможенного союза. Действительно, признание подведомственности жалоб об оспаривании подзаконных актов, в частности главы государства, «существенно расширяет подходы Конституционного Суда к пониманию возможности обжалования нарушенных прав граждан, если нарушения имели место в результате принятия и применения разного рода нормативных правовых актов, основанных на законах, а не только самих формальных законов», и с учетом того, что Конституционный Суд проверяет нормы не только в их буквальном значении, а исходя из их звучания в системе действующих актов<sup>90</sup>. Что касается указов Президента, то, хотя эта проблема была особенно характерна в период активного «опережающего регулирования» 1990-х годов, получивший в известной работе В. О. Лучина наименование «указного права», она не снята полностью и теперь. В практике Суда нет четкого ответа на вопрос о возможности обжалования такого рода актов: правда, указания на то, что не относится к компетенции Суда, в частности проверка конституционности указов Президента СССР<sup>91</sup>, а равно имеющих правоприменительный характер указов о помиловании<sup>92</sup>, косвенным образом подтверждают обратное в отношении остальных указов.

Одновременно Т. Г. Морщакова многократно обращала и обращает внимание на проблему исключения из орбиты судебного контроля «имеющих нормативное содержание обязательных постановлений пленумов

высших судов»<sup>93</sup>, которые «не привязаны к обстоятельствам конкретного дела и сформулированы почти как норма закона»<sup>94</sup>, притом что «появились и новые жанры обобщений практики, которые позволяют высшим судам распространять свое представление о содержании и толковании закона: обзоры — у ВС РФ, информационные письма у ВАС РФ, свои акты есть даже у Судебного департамента»<sup>95</sup> и притом что «какие-либо иные судебные процедуры их проверки не существуют»<sup>96</sup>. Разрешение этого противоречия предлагается по двум направлениям. Во-первых, это обеспечение Верховным Судом единства судебной практики толкования и применения законодательства только посредством рассмотрения конкретных дел в качестве высшей судебной инстанции (что более соответствует пониманию так называемого прецедентного права), а не посредством формулирования абстрактных, универсальных разъяснений, которые должны рассматриваться лишь как информационные и расхождение с которыми не должно являться самостоятельным основанием для отмены актов нижестоящих судов. Во-вторых, это возможность судебного конституционного контроля за такими разъяснениями, если они все же имеют обязательный характер и формулируют новую правовую норму<sup>97</sup>.

Сегодня единственная возможность для Конституционного Суда (надо сказать, активно им используемая) — это дисквалифицировать не саму норму, а приданный ей в сложившейся (складывающейся) судебной практике, в официальном или ином толковании, смысл, то есть выявить ее действительное конституционно-правовое значение или дать «конституционно-конформное» толкование. Такие решения (включая «позитивные» определения), как уже говорилось, основаны на части 1 статьи 74 ФКЗ о КС и должны уважать-

<sup>93</sup> Морщакова Т. Г. Конституционный Суд Российской Федерации в системе судебной власти. С. 34.

<sup>94</sup> Морщакова Т. Г. Прецедент: подсказка или указка? : Интервьюер О. Бодрягина // ЭЖ-Юрист. 2010. № 15.

<sup>95</sup> Морщакова Т. Г. Судебные недостатки // ЭЖ-Юрист. 2009. № 41.

<sup>96</sup> Морщакова Т. Г. Некоторые вопросы конституционно-правового регулирования в системе процессуальных реформ // Журнал российского права. 2001. № 12. С. 10–16, 14.

<sup>97</sup> См.: Морщакова Т. Г. Прецедент: подсказка или указка?

<sup>90</sup> Морщакова Т. Г. Процессуальные формы использования правозащитного ресурса конституционного судопроизводства // Российское правосудие в контексте судебной реформы. С. 82–99, 86.

<sup>91</sup> См.: Определение Конституционного Суда РФ от 21 октября 2008 года № 710-О-О.

<sup>92</sup> См.: Определение Конституционного Суда РФ от 17 июля 2007 года № 616-О-О.

ся другими судами (ч. 5 ст. 79). Ярким примером такой ситуации служит недавнее дело, в котором оспаривалась часть 4 статьи 29.6 КоАП, согласно которой дело об административном правонарушении, совершение которого влечет административный арест в отношении лица, подвергнутого административному задержанию, рассматривается не позднее 48 часов с момента его задержания. Однако Пленумом Верховного Суда было указано в весьма лапидарной и обобщенной форме, что «продление сокращенных сроков рассмотрения дел недопустимо»<sup>98</sup>; на этом основании некоторые суды отказывали обвиняемым в отложении судебного заседания, в частности для приглашения им защитника или для вызова свидетеля. Конституционный Суд вынужден был дать такое толкование оспариваемой норме, которое не противопоставляло бы между собой право не быть подвергнутым задержанию на срок более 48 часов без судебного решения и требование оперативности административного производства, с одной стороны, и право на получение квалифицированной юридической помощи, принцип состязательности — с другой<sup>99</sup>.

Что касается требований допустимости, то есть тех условий, соблюдение которых открывает доступ к суду (и которые сами по себе не стоят во всех случаях рассматривать именно как ограничение прав, тем более неправомерное), то российская модель конституционной жалобы всегда положительно оценивалась Т. Г. Морщаковой как достаточно демократичная. Тем не менее она указывала на ряд обстоятельств, при которых такой доступ к суду был бы еще более эффективен и своевременен.

Во-первых, посредством проверки нормы, лишь подлежащей применению (например, после назначения экспертизы, но еще до ее проведения), «расширяется то правовое поле, где жалоба гражданина является допустимой»<sup>100</sup>, отчего изменения в статье 96—97

ФКЗ о КС, имевшие место в конце 2010 года, были оценены скорее негативно. Во-вторых, нормой, примененной в деле заявителя, должно признаваться и «правовое положение, в применении которого правоприменитель отказал, при условии, что этот отказ, затрагивая конституционные права гражданина, был обусловлен непосредственно неконституционным содержанием не нашедшей позитивного применения нормы»<sup>101</sup>. По этому пути практика Суда также движется довольно неуверенно.

В-третьих, справедливо отмечалось, что Конституционный Суд «не может выбирать и анализировать те акты, которыми он не удовлетворен» и в этом смысле «никакого инквизиционного начала, никакого “преследования” по собственной инициативе в конституционном судопроизводстве нет»<sup>102</sup>; напротив, «если фильтр определяется субъективной оценкой “важно-неважно”, тогда это не что иное, как дискриминация и произвол. В этом случае, поскольку высший суд перестает быть эффективным средством правовой защиты, поскольку отсутствует один из основополагающих признаков эффективности, производство может быть возбуждено по инициативе заинтересованного участника, а не должностного лица во всех случаях, когда иначе восстановление нарушенных прав невозможно»<sup>103</sup>. Первая характеристика преимущественно справедлива для отечественного конституционного правосудия, поскольку оно не знает требования приемлемости жалобы и понятия малозначительности, хотя и не исключает возможности, например, рассмотрения менее значимых дел в порядке письменного производства, вынесения так называемых «квазипозитивных» определений и других форм реагирования на подведомственное и допустимое обращение.

Несомненно, правозащитный потенциал конституционного судопроизводства не вполне исчерпывался бы, если бы по его итогам не

<sup>98</sup> Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2007 года № 52 «О сроках рассмотрения судами Российской Федерации уголовных, гражданских дел и дел об административных правонарушениях».

<sup>99</sup> См.: Определение Конституционного Суда РФ от 9 февраля 2016 года № 214-О.

<sup>100</sup> Морщакова Т. Г. Процессуальные формы использования правозащитного ресурса конституционного судопроизводства власти. С. 91.

<sup>101</sup> Комментарий к статье 97 // Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации»: Комментарий / отв. ред.: Н. В. Витрук, Л. В. Лазарев, Б. С. Эбзеев. М.: Юрид. лит., 1996.

<sup>102</sup> Морщакова Т. Г. Преюдициальное значение правовых позиций Конституционного Суда и судебный прецедент // Российское правосудие в контексте судебной реформы. С. 109—115, 113.

<sup>103</sup> Морщакова Т. Г. Прецедент: подсказка или указка?

осуществлялась реальная, эффективная (а не теоретическая) защита и восстановление нарушенных прав граждан, в первую очередь самих заявителей (премия или привилегия заявителя) и иных лиц, находящихся в подобной ситуации. Как отмечает Т. Г. Морщакова, стандарты судебного разбирательства, которые позволяют определить средство судебной защиты как эффективное, включают: а) доступ к суду, то есть не должно быть чрезмерно обременительных препятствий для обращения с жалобой, б) рассмотрение дела в строго надлежащей процессуальной форме, а также в) обязательность решений для всех иных госорганов и должностных лиц, г) возможность реального восстановления нарушенного права<sup>104</sup>. Полагаем, что на эти принципы ориентировано и российское конституционное правосудие (которое, правда, сегодня не признается средством, которое непременно надо исчерпать в случае обращения в Европейский Суд – в отличие, например, от ФРГ).

На этот счет часть 2 статьи 100 ФКЗ о КС гласит, что дело заявителя во всяком случае подлежит пересмотру компетентным органом в обычном порядке; согласно части 3 статьи 79, судебные решения, основанные на актах или их отдельных положениях, признанных постановлением Конституционного Суда неконституционными, не подлежат исполнению и должны быть пересмотрены в установленных федеральным законом случаях. Практика Суда подсказывает, что если пересмотр дел иных лиц не может производиться без учета требований отраслевого законодательства<sup>105</sup>, то дело заявителя подлежит пересмотру безотносительно к истечению пресекательных сроков и независимо от того, предусмотрены ли соответствующие основания для пересмотра в иных законах<sup>106</sup>. Впрочем, как замечает Т. Г. Морщакова, таких процедур и оснований можно выявить достаточно: примером может быть отмена акта, на

котором основано решение, применение закона, не подлежавшего применению<sup>107</sup>. Поэтому на практике используется не только возобновление производства, но и надзорный и кассационный порядок, и отчего Конституционный Суд в самих решениях обычно оговаривает, что дело «подлежит пересмотру в установленном порядке при условии, что для этого нет иных препятствий». В отдельных случаях восстановление (признание) права возможно и помимо пересмотра дела.

Конечно, в этой сфере есть еще много нерешенных противоречий: так, суды очень неохотно пересматривают дела иных лиц, не являвшихся участниками разбирательства в Конституционном Суде по конкретному делу, решения по которым не вступили в силу или не исполнены либо исполнены частично, тем более если они основаны не на той же, а на идентичной или аналогичной норме. Не всегда корректно воспринимается в качестве основания для такого пересмотра постановление, содержащее конституционно-правовое толкование, даже несмотря на разъяснение Пленума Верховного Суда и тем более позитивное или «квазипозитивное» определение Конституционного Суда. В связи с разъяснением Судом постановления по «делу Гончарова» о замещении вакантного депутатского мандата проявила себя и иная проблема: помимо исполнения судом своей функции по пересмотру решения, требуются активные действия со стороны иных компетентных органов, которые должны обеспечить фактическую реализацию судебных актов безотносительно к наличию в отраслевом законе подходящих процедур, поскольку иначе нарушался бы принцип обязательности судебных решений и верховенства Конституции<sup>108</sup>.

В итоге можно констатировать, что сегодня конституционное правосудие, возможно вопреки первоначальным замыслам некоторых его идеологов, признается не только средством развития объективного конституционного права, но и действенным элементом судебной защиты субъективных прав личности.

<sup>104</sup> См.: Пересмотр судебных актов в гражданском, арбитражном и уголовном процессе : учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры / под ред. Т. Г. Морщаковой. 3-е изд., перераб. и доп. М. : Юрайт, 2014. С. 26.

<sup>105</sup> См.: Определение Конституционного Суда РФ от 5 февраля 2004 года № 78-О.

<sup>106</sup> См.: Определение Конституционного Суда РФ от 4 июня 2013 года № 874-О.

<sup>107</sup> См.: Верховенство права и проблемы его обеспечения в правоприменительной практике. С. 323–325.

<sup>108</sup> См.: Определение Конституционного Суда РФ от 31 марта 2016 года № 449-О-Р.

## 5. Заключение

Не стоит сомневаться в том, что изложенные здесь авторские мнения способны вызвать критику уже со стороны самого мастера, идеям которого эти размышления и посвящены, подвигнув его на новые научные труды или новые терпеливые разъяснения. Однако разве не в том состоит дело настоящего Ученого и Учителя (sic!), чтобы его ученики, неся его слово, сами инициировали дискуссии, спорили о должном и о справедливом, искали для себя ориентиры для следования путем науки? И разве не бесспорно то, что в основе этих идей — простая мысль о том, что в центре современного правопорядка должен быть человек с его правами и свободами, названный высшей ценностью, мериллом уважения этих прав и свобод является признание и защита достоинства его личности как равноправного субъекта в отношениях с государством, но не объекта его властной деятельности, а высшим арбитром в этих отношениях должен являться Конституционный Суд, самостоятельно и независимо осуществляющий судебную власть посредством конституционного судопроизводства.

Библиографическое описание:

Блохин П. Д. Двойной юбилей. Конституционное правосудие на службе прав человека // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 2 (111). С. 117—141.

### Double Anniversary. Constitutional Justice at the Service of Human Rights

Pavel Blokhin

Chief Adviser in the Office of the Justice of the Constitutional Court of the Russian Federation, Assistant Professor at the National Research University — Higher School of Economics (St. Petersburg) (e-mail: dartpaulus@mail.ru).

#### Abstract

The present paper provides a survey of a comprehensive collection of scientific works of Tamara Morshchakova. The author scrutinizes the core ideas and concerns of the scholar, her views on principal judicial issues of our time — the independence of the Constitutional Court, its position within the Russian judiciary, its interaction with other courts, its rootedness in the fundamental principles of law, self-sufficiency of its decisions. The article also considers problems of the access of the citizens to the Court for effective judicial protection of their rights and freedoms. The author presents a broad insight into this discourse in the Russian judicial and scholar community, concluding that the main purpose of constitutional justice should be the protection of human rights and freedoms as the supreme value, as proclaimed in the Constitution of the Russian Federation of 1993.

#### Keywords

constitutional justice; fundamental rights and freedoms; judicial protection.

#### Citation

Blokhin P. (2016) Dvoynoy yubiley. Konstitutsionnoe pravosudie na sluzhbe prav cheloveka [Double Anniversary. Constitutional Justice at the Service of Human Rights]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, no. 2, pp. 117—141. (In Russian).

#### References

- Afanas'ev S. F., Mal'ko A. V., Terekhin V. A. (2014) Smertnaya kazn' v sovremennoy Rossii: ne pora li nakonets opredelit'sya? [The Death Penalty in Modern Russia: Is It Not Time to Finally Decide?]. *Kriminologicheskij zhurnal Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava*, no. 2, pp. 79—89. (In Russian).
- Alebastrava I. A. (2007) Konstitutsionnye printsipy: problemy yuridicheskoy prirody i effektivnosti realizatsii [Constitutional Principles: the Legal Problems and the Effectiveness of Implementation]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo*, no. 7, pp. 5—12. (In Russian).
- Bondar' N. S. (2011) *Sudebnyy konstitutsionalizm v Rossii v svete konstitutsionnogo pravosudiya* [Judicial Constitutionalism in Russia in the Light of Constitutional Justice], Moscow: Norma, Infra-M. (In Russian).
- Bondar' N. S. (2016) Tsenostnyye nachala sudebnoy implementatsii konventsionnykh trebovaniy v rossiyskuyu pravovuyu sistemu: iz praktiki Konstitutsionnogo Suda RF [Values of the Judicial Implementation of the Convention's Requirements in the Russian Legal System: From the Practice of the Russian Constitutional Court]. *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya*, no. 2, pp. 4—10. (In Russian).
- Davydov P. A., Lyukin O. V., Mal'ko A. V. (2015) Strategiya razvitiya pravosudiya v Rossiyskoy Federatsii: Problemy teorii i praktiki [Strategy of Justice of the Russian Federation: Problems of Theory and Practice]. *Zakony Rossii*, no. 2, pp. 84—88. (In Russian).
- Lazarev L. V. (2003) *Pravovoye pozitsii Konstitutsionnogo Suda Rossii* [The Legal Position of the Russian Constitutional Court], Moscow: OAO "Izdatel'skiy dom "Gorodets"; Formula prava. (In Russian).
- Morshchakova T. G. (1991) Neskol'ko zamechaniy, kasayushchikhsya protsessual'noy storony deyatelnosti Konstitutsionnogo suda [Some Remarks Concerning the Procedure of the Constitutional Court]. *Konstitutsionnyy vestnik*, no. 6, pp. 49—53. (In Russian).
- Morshchakova T. G. (1997) Razgranichenie kompetentsii mezhdru Konstitutsionnym Sudom i drugimi sudami Rossiyskoy Federatsii [Distribution of Powers Between the Constitutional Court and Other Courts of the Russian Federation]. *Vestnik Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii*, no. 7, pp. 22—31. (In Russian).
- Morshchakova T. G. (2001) Nekotorye voprosy konstitutsionnogo pravosudiya v sisteme protsessual'nykh reform. *Zhurnal rossiyskogo prava*, no. 12, pp. 10—16. (In Russian).
- Morshchakova T. G. (2001—2002) Primenenie mezhdunarodnogo prava v konstitutsionnom pravosudii: itogi i perspektivy [The Application of International Law in Constitutional Justice: Results and Prospects]. *Konstitutsionnoe pravosudie: Vestnik Konferentsii organov konstitutsionnogo kontrolya stran molodoy demokratii*, no. 14—15. (In Russian).
- Morshchakova T. (2004) Ispolnenie resheniy Konstitutsionnogo Suda [Implementation of the Constitutional Court's Decisions]. In: *Rossiyskoe pravosudie v kontekste sudebnoy reformy* [Russian Justice in the Context of Judicial Reform], Moscow: R. Valent, pp. 100—108. (In Russian).
- Morshchakova T. G. (2004) Konstitutsionnaya kontseptsiya sudoproizvodstva v resheniyakh Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii [The Consti-



- tutional Concept of Justice in the Decisions of the Constitutional Court]. In: *Rossiyskoe pravosudie v kontekste sudebnoy reformy* [Russian Justice in the Context of Judicial Reform], Moscow: R. Valent, pp. 52–65. (In Russian).
- Morshchakova T. (2004) Konstitutsionnaya zashchita prav i svobod grazhdan sudami Rossiyskoy Federatsii [The Constitutional Protection of the Rights and Freedoms of Russian Citizens by the Courts]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, no. 4, pp. 124–128. (In Russian).
- Morshchakova T. G. (2004) Konstitutsionnyy Sud Rossiyskoy Federatsii v sisteme sudebnoy vlasti [The Constitutional Court in the System of the Judiciary]. In: *Rossiyskoe pravosudie v kontekste sudebnoy reformy* [Russian Justice in the Context of Judicial Reform], Moscow: R. Valent, pp. 12–41. (In Russian).
- Morshchakova T. G. (2004) O razgranichenii kompetentsii mezhdru Konstitutsionnym Sudom RF, sudami obshchey yurisdiktsii i konstitutsionnymi sudami sub'ektov Federatsii pravosudiya [About the Distribution of Powers Between the Russian Constitutional Court, Courts of General Jurisdiction and the Constitutional Courts of the Federation Subjects]. In: *Rossiyskoe pravosudie v kontekste sudebnoy reformy* [Russian Justice in the Context of Judicial Reform], Moscow: R. Valent, pp. 116–126. (In Russian).
- Morshchakova T. G. (2004) Preyuditsial'noe znachenie pravovykh pozitsiy Konstitutsionnogo Suda i sudebnyy pretsedent [Prejudicial Meaning of Legal Positions of the Constitutional Court and Judicial Precedent]. In: *Rossiyskoe pravosudie v kontekste sudebnoy reformy* [Russian Justice in the Context of Judicial Reform], Moscow: R. Valent, pp. 109–115. (In Russian).
- Morshchakova T. G. (2004) Protssual'nye formy ispol'zovaniya pravozashchitnogo resursa konstitutsionnogo sudoproizvodstva [Procedural forms a Human Rights Resource of the Constitutional Justice]. In: *Rossiyskoe pravosudie v kontekste sudebnoy reformy* [Russian Justice in the Context of Judicial Reform], Moscow: R. Valent, pp. 82–99. (In Russian).
- Morshchakova T. G. (2004) Rol' konstitutsionnogo pravosudiya v realizatsii mezhdunarodno-pravovykh norm o pravakh cheloveka [The Role of Constitutional Justice in the Implementation of International Legal Standards of Human Rights]. In: *Rossiyskoe pravosudie v kontekste sudebnoy reformy* [Russian Justice in the Context of Judicial Reform], Moscow: R. Valent, pp. 44–51. (In Russian).
- Morshchakova T. (2004) Smertnaya kazn': Pobedyat li abolitsionisty? Vvedenie [The Death Penalty: Will the Abolitionists Win? Introduction]. *Konstitutsionnoe pravo: vostochnoevropeyskoe obozrenie*, no. 4, pp. 122–124. (In Russian).
- Morshchakova T. G. (2008) Doktrinal'nye osnovy implementatsii mezhdunarodnykh standartov prav i svobod sredstvami konstitutsionnogo pravosudiya [The Doctrinal Foundations of the Implementation of International Standards of Human Rights and Freedoms by Means of Constitutional Justice]. *Pravo. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki*, no. 1, pp. 3–17. (In Russian).
- Morshchakova T. G. (2009) O dukhe i bukve Konstitutsii RF i balanse konstitutsionnykh tsennostey [About the Spirit and Letter of the Constitution of the Russian Federation and the Balance of Constitutional Values]. In: Zor'kin V. D. *Konstitutsiya Rossiyskoy Federatsii: doktrina i praktika* [Russian Constitution: Doctrine and Practice], Moscow: Norma, pp. 261–265. (In Russian).
- Morshchakova T. (2010) Pravovaya legalizatsiya otmeny smertnoy kazni v Rossii: Kommentariy k Opredeleniyu Konstitutsionnogo Suda Rossiyskoy Federatsii ot 19 noyabrya 2009 goda [Legal Legalization of Abolition of the Death Penalty in Russia: Commentary on the Decision of the Constitutional Court of November 19, 2009]. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie*, no. 1, pp. 185–187. (In Russian).
- Morshchakova T. G. (2010) Pretsedent: podskazka ili ukazka? *Ezh-Yurist*, no. 15, pp. 91–95. (In Russian).
- Morshchakova T. G. (2013) O znachenii i istochnikakh standartov pravosudiya [On the significance and sources of standards of justice]. In: Novikova E. V., Fedotov A. G., Rozentsvayg A. V., Subbotin M. A. (eds.) *Verkhovenstvo prava kak faktor ekonomiki: Mezhdunarodnaya kollektivnaya monografiya* [The Rule of Law as an Economic Factor: International Collective Monograph], Moscow: Mysl', pp. 521–531. (In Russian).
- Morshchakova T. G. (ed.) (2003) *Zashchita prav mestnogo samoupravleniya organami konstitutsionnogo pravosudiya Rossii. T. 1* [Protecting the Rights of Local Self-government by Constitutional Justice in Russia. Vol. 1], Moscow: OOO "Gorodets-izdat". (In Russian).
- Morshchakova T. G. (ed.) (2012) Standarty spravedlivogo pravosudiya (mezhdunarodnye i natsional'nye praktiki) [Fair trial standards (international and national practice)], Moscow: Mysl'. (In Russian).
- Morshchakova T. G. (ed.) (2014) *Peresmotr sudebnykh aktov v grazhdanskom, arbitrazhnom i ugovolnom protsesse: Ucheb. posobie dlya bakalavriata i magistratury* [The Revision of Judicial Decisions in Civil, Arbitration and Criminal Trial. Textbook for Undergraduate and Graduate], Moscow: Yurayt. (In Russian).
- Neresyants V. S. (1997) Sud ne zakonodatel'stvetuet i ne upravlyaet, a primenyaet pravo (o pravoprimenitel'noy prirode sudebnykh aktov) [The Court doesn't Legislate and doesn't Control, but Applies the Law (about the Nature of the Enforcement of Judicial Decisions)]. In: Topornin B. P. (ed.) *Sudebnaya praktika kak istochnik prava* [Jurisprudence as a Source of Law], Moscow: Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, pp. 34–41. (In Russian).
- Patsatsiya M. Sh. (2014) Ob osnovaniyakh otmeny ili izmeneniya sudebnykh postanovleniy v nadzornom poryadke v grazhdanskom protsesse [On the Grounds of the Cancellation or Modification of Judgments by Supervisory Review in Civil Law Process]. *Zakon*, no. 9, pp. 128–149. (In Russian).
- Tolstoy Yu. K. (2005) Problemy razgranicheniya polnomochiy Rossiyskoy Federatsii i ee sub'ektov v sfere zakonodatel'noy deyatel'nosti [Delimitation Problems between the Russian Federation and its Subjects in the Sphere of Legislative Activity]. *Zhurnal rossiyskogo prava*, no. 12, pp. 66–69. (In Russian).
- Tolstoy Yu. K. (2011) Sudebnyy («zhivoy») konstitutsionalizm: doktrina i praktika. Stenogramma kruglogo stola kafedry gosudarstvennogo i administrativnogo prava yuridicheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta (Sankt-Peterburg, 5 marta 2011 g.) [Judicial («live») Constitutionalism: Doctrine and Practice: Transcript of the Roundtable at the State and Administrative Law Faculty, St. Petersburg State University]. *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya*, no. 3, pp. 1–29. (In Russian).
- Vof'khule A. (2010) Multilevel cooperation of the European Constitutional Courts: Der Europäische Verfassungsgerichtsverbund. *European Constitutional Law Review*, vol. 6, no. 2, pp. 175–198.
- Zor'kin V. D. (2006) Integratsiya evropeyskogo konstitutsionnogo prostranstva: vyzovy i otvety [Integration of the European Constitutional Space: Challenges and Responses]. *Zhurnal rossiyskogo prava*, no. 12, pp. 14–23. (In Russian).
- Zor'kin V. D. (2014) Tsvilizatsiya prava: sovremennyy kontekst [Civilization of the Law: Contemporary Context]. *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya*, no. 5, pp. 1–15. (In Russian).